

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

2025

Том 12

№ 4

Санкт-Петербург
2025

РЕДАКЦИЯ

А.В. Дука, *главный редактор*, к.пол.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.С. Быстрова, *заместитель главного редактора*, к.э.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Д.Б. Тев, *заместитель главного редактора*, к.с.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.Ю. Швая, *ответственный секретарь*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

В.Д. Дмитриева, *секретарь редакции*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

EDITORIAL TEAM

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Alla S. Bystrova, *Deputy editor in chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Denis B. Tev, *Deputy editor in chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Andrey Yu. Shvaya, *Executive secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Valeriia D. Dmitrieva, *Secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дука Александр Владимирович, *главный редактор*, кандидат политических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Быстрова Алла Сергеевна, *зам. главного редактора*, кандидат экономических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Тев Денис Борисович, *зам. главного редактора*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, член-корр. РАН, МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), Москва, Россия

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Козловский Владимир Вячеславович, доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор, ИНИОН РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Мацузато Кимитака, доктор юридических наук, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ Уральского отделения РАН Пермь, Россия

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Тыканова Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Alla S. Bystrova, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Denis B. Tev, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Valeriy A. Achkasov, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Oksana V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Corresponding Member of RAS, Professor, MGIMO-University, NRU “Higher School of Economics”, President of the Russian Political Science Association, Moscow, Russia

Vladimir A. Gutorov, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Konstantin F. Zavershinskiy, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. Kozlovskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander P. Kochetkov, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Natalia Yu. Lapina, Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia

Valeriy G. Ledyaev, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Olga Yu. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Kimitaka Matsuzato, Doctor of Law, Professor, The University of Tokyo, Tokyo, Japan

Viktor P. Mohov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Petr V. Panov, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Institute for Humanitarian Research of PFRC of the Ural Branch RAS, Perm, Russia

Dmitry V. Pokatov, Doctor of Sociology, associate professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia

Dmitriy G. Seltser, Doctor of Political Science, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Tykanova, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Alla E. Chirikova, Doctor of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРСТВО

Фадеева Л.А.

- 7–26 Лидеры vs. институты: парадоксы и практики

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Масловская Е.В.

- 27–61 Юридическая элита Болгарии и Румынии:
противодействие реформам и вызовы европейской интеграции

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

Ачкасов В.А.

- 62–81 Изобретение и реанимация «этносов»:
роль этнических предпринимателей

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ПРОТЕСТЫ

Цепилова О.Д.

- 82–103 Мусорные бунты в России: воспроизводство протестных практик,
политизация и институционализация протестов

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дмитриева В.Д., Швая А.Ю.

- 104–123 Мультипликация элит в условиях конкуренции
институциональных порядков

CONTENTS

NATIONAL ELITES AND LEADERSHIP

L. Fadeeva

- 7–26 Leaders vs. Institutions: Paradoxes and Practices

POLITICAL ELITES IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

E. Maslovskaya

- 27–61 The Juridical Elite in Bulgaria and Romania:
Resistance to Reforms and Challenges of European Integration

THE MECHANISMS AND PRACTICES OF POWER

V. Achkasov

- 62–81 The Invention and Resuscitation of “Ethnic Groups”:
The Role of Ethnic Entrepreneurs

SOCIAL MOVEMENTS AND PROTESTS

O. Tsepilova

- 82–103 Garbage Riots in Russia: Reproduction of Protest Practices,
Politicization and Institutionalization of Protests

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

Dmitrieva V.D., Shvaya A.Yu.

- 104–123 Multiplication of Elites in the Context of Competition
of Institutional Orders

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРСТВО

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.1>.

EDN: QXRWNK

*Л.А. ФАДЕЕВА*¹

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермский край, Пермь, ул. Букирева, д. 15

ЛИДЕРЫ VS. ИНСТИТУТЫ: ПАРАДОКСЫ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье уточняются понятия «институциональное» и «неинституциональное лидерство», характеризуется взаимодействие политических лидеров и институтов в кризисных ситуациях. Автор рассматривает 3 кейса: американский, индийский и китайский для того, чтобы определить, каким образом и какими методами лидеры осуществляют трансформацию политических институтов для достижения поставленных ими программных целей. Значительное внимание в статье уделено политической идентичности, которую лидеры используют как неинституциональный ресурс своего влияния. Сделать Америку снова великой, использовать хиндутву как объединяющую индийское общество религию и идеологию, обеспечить достижение китайской мечты — такие призывы должны создать эмоциональную основу для поддержки лидеров в их устремлениях трансформировать политические институты. Автор указывает на другие неинституциональные компоненты политического лидерства — харизму, эмоциональное воздействие, психологические характеристики, применяемые лидерами для усиления своей власти. По мнению автора, эти компоненты имеют особое значение в условиях перманентного кризиса, важной характеристикой которого является эмоциональное выгорание, возникающее у людей по причине постоянного переживания все нарастающих рисков, угроз, опасностей. Вследствие этого возрастает

значимость психологических аспектов политического лидерства, своего рода психотерапевтических эффектов, которые должен создавать лидер для того, чтобы поддерживать уверенность общества в правильности предлагаемых им программ и методах их реализации. В рассматриваемых в статье кейсах ключевой момент — продвижение и закрепление страны в качестве одного из центров силы в XXI веке в мире, который пока не стал многополярным, но определенно стремится к этому.

Ключевые слова: политическое лидерство, институты, перманентный кризис, лидеры, харизма, идентичность, трансформация.

Для цитирования: Фадеева Л.А. Лидеры vs. институты: парадоксы и практики // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 7–26.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.1>. EDN: QXRWNK

ПАРАДОКСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Феномен политического лидерства всегда и повсеместно вызывает высокий интерес исследователей и широкой публики, в то время как его исследовательское поле остается недостаточно проработанным [19]. Е.Б. Шестопал неслучайно озаглавила анализ современных исследований «Парадоксы политического лидерства», характеризуя ситуацию, когда после бурного интереса к этой проблематике с середины XX века наступил перенос внимания политологов на институты, и лишь во второе десятилетие XXI века появился ряд фундаментальных работ российских и зарубежных авторов о политическом лидерстве [21].

Между тем в политической науке о политическом лидерстве устоялось несколько положений, которые приобрели характер аксиом, однако в действительности далеко не бесспорны. Таково представление о различии между институциональным и неинституциональным лидерством. Институциональное лидерство нередко характеризуется как лидерство формальное, поскольку оно опирается на формальные должности и структуры власти, закрепленные в конституциях, законах или уставах организаций [9].

В то же время и в истории, и сегодня нередко институциональные лидеры остаются лидерами формальными в том плане, что они

не имеют реального влияния в политическом процессе и их роль ограничивается сугубо представительскими функциями. Так, в декабре 2025 г. в Израиле заговорили о том, что президент страны Ицхак Герцог неожиданно оказался в центре политической жизни в связи с тем, что отказался помиловать премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, которого обвиняют в трех коррупционных делах: в мошенничестве с регулированием средств массовой информации, в получении незаконных подарков на сумму более 700 тысяч шекелей и взяточничестве. И это несмотря на то, что с просьбой о помиловании обратился как сам Нетаньяху, так и президент США Дональд Трамп¹. Журналисты наперебой утверждают, что до этого Герцог находился в тени и не играл сколько-нибудь значимой роли в политической жизни².

В отличие от институционального лидерства, неинституциональное (харизматическое или неформальное) лидерство не привязано к официальным постам, а выстраивается на личных качествах лидера — харизме, авторитете, эмоциональном воздействии. Одни исследователи продолжают веберовскую традицию фокусироваться на исключительных личностных качествах лидера [13], другие предлагают сосредоточиться на взаимодействии лидера с последователями [12], на месседжах, которые транслирует лидер [11]. В любом случае речь идет о взаимодействии лидера с последователями посредством политических организаций, массовых движений, современных коммуникационных сетей, которые в соответствии с современными, в особенности неинституциональными подходами также являются институтами.

Классическое понимание соотношения между лидерами и институтами и определение их влияния сосредоточено на том, что в демо-

¹ Президент Израиля Герцог отказался помиловать обвиненного в коррупции Нетаньяху // Вести.ru. 07.12.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2025. URL: <https://www.vesti.ru/article/4816497>.

² Майборода Ю. Впервые детально стало известно, чем занимается президент Израиля // Комсомольская правда. 18.05.2022 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2025. URL: <https://www.kp.ru/daily/27392/4588603/>.

кратических системах лидеры всегда уступают политическим институтам, в то время как в авторитарных обществах влияние лидера может быть доминирующим, вызывая серьезную трансформацию политических институтов. Означает ли это, что в условиях демократии лидеры не оказывают существенного влияния на институты, не вступают с ними в конфликты разной степени сложности, которые могут разрешаться посредством институциональных изменений? Как в таком случае можно оценивать трансформацию, которую пережила Британия в годы руководства Маргарет Тэтчер и которая получила название тэтчеристской революции? Тэтчеризм представляет собой политический курс, который серьезно повлиял на экономическую роль и социальные функции государства, перестроил позиции ключевых политических акторов, менял сложившиеся традиции и механизмы управления [10; 28]. Некоторые попытки слома традиций дорого обошлись политической карьере Тэтчер: нарушение традиции, когда на заседаниях кабинета премьер-министр выступал после того, как заслушает мнения других членов, было отражением жесткого стиля ее лидерства, конфронтационного характера с делением на «сухих» и «мокрых» внутри консервативной партии, что и привело к отказу бывших сторонников от сотрудничества и последующей отставке Тэтчер.

Замысел этой статьи в том, чтобы определить воздействие политических лидеров на институты в условиях продолжающегося перманентного кризиса [18]. Автор придерживается позиции, что политическое лидерство включает в себя как институциональные, так и неинституциональные компоненты, к которым относятся личностно-психологические и социально-психологические характеристики, авторитет, харизма, идентичность.

ЛИДЕРЫ И ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Политологи используют институциональный подход к политическому лидерству, согласно которому лидерство осуществляется в определенной среде, но институты помогают формировать реакцию лидеров на эту среду. Данные институты относительно неизменны с течением времени; лидеры, действующие в одной и той же общей среде, демонстрируют повторяющиеся модели поведения, создавая

относительно стабильные модели политического лидерства [22]. Один из ведущих западных исследователей политического лидерства Роберт Элджи считал, что его роль и эффективность в основном зависят от взаимодействия «между лидерами и той средой, в которой они находятся», поскольку именно «характер этого взаимодействия определяет способы и степень влияния глав государств и глав правительств на результаты процесса принятия решений в стране» [22, с. 181]. Он отмечал наличие разрыва между огромным потенциалом институционального подхода, применяемого к политическому лидерству, и эмпирическими ограничениями этого подхода, что на практике ослабляет его привлекательность [23]. Элджи разрабатывал аналитический инструментарий политического лидерства и использовал его в сравнительно-ориентированных исследованиях [25].

Перманентный кризис, развернувшийся в мире после пандемии 2020 г., представляет собой сопряжение нескольких кризисов и характеризуется беспрецедентной интенсивностью, в то время как традиционные рычаги управления и механизмы регулирования не срабатывают и происходит «глобальное разупорядочивание» [8, с. 63–84]. Ежи Вятр, который в контексте политического лидерства оценивает кризисы как проверку способности лидеров руководить [26], стоит на классических позициях, что здоровые демократии требуют «институционализированного лидерства», где харизма служит институтам, а не разрушает их. Однако новизну современной кризисной ситуации он видит в том, что социальные сети усиливают неинституциональных лидеров, обходя институты и ускоряя «деинституционализацию». Правда, его книга вышла в свет до того, как Трамп снова стал институциональным лидером. Справедливо его замечание, что все политические лидеры в условиях кризиса должны выступать в роли кризис-менеджеров и что кризисные условия усиливают значимость персонализма даже в развитых демократиях [26].

Современные демократии сталкиваются с глубокой социополитической кризисной ситуацией, выражающейся в снижении институционального доверия, неэффективности лидерства, росте политической поляризации и проблемах подотчетности. Все эти проблемы взаимосвязаны и усугубляют друг друга. В основе кризиса всегда лежит проблема неравенства, и специфика современной ситуации в том, что

нарастают формы и проявления неравенства (экологическое, цифровое, неравенство участия и др.), межстрановое неравенство сочетается со внутривостановым в странах с разными политическими режимами, все это подрывает доверие к демократическим институтам, снижает ответственность ряда политических лидеров¹.

Национальные лидеры формируют и продвигают новые политические идентичности для того, чтобы объединить разные группы и целые нации вокруг выдвинутых ими целей, обосновываемых идеологиями и подкрепленными конкретными символами. MAGA, китайская мечта, Бхарат — лишь некоторые примеры такого рода, которые коррелируют не столько с национальной спецификой, сколько со спецификой политического лидерства.

По мере нарастания неопределенности в геополитическом ландшафте, усложнения кризисов и социальных изменений сильные лидеры становятся ключевыми акторами, используя личные ресурсы, межличностные связи, харизматические качества, чтобы мобилизовать и интегрировать общественные настроения.

КТО ГЛАВНЫЙ В АМЕРИКЕ ТРАМПА?

Арчи Браун описывает ситуацию, когда не слишком компетентная журналистка из Европы задала американским коллегам вопрос применительно к политической системе США: «Кто здесь главный?» Вопрос был встречен с недоумением и иронией. Однако сейчас, в 2025 г. будет ли такой вопрос риторическим, если смотреть практически ежедневные репортажи из Овального кабинета? Из книг о Дональде Трампе уже можно составить библиотеку. Первоначальный интерес был обусловлен яркими имиджевыми стратегиями и нестандартным для политического мира продвижением бизнесмена в политике; популистской риторикой и взаимодействием с массами; однако достаточно скоро фокус анализа сместился на трампизм, оцениваемый как претензии на идеологию, новый политический курс, влияющий на изменение алгоритмов развития США [1; 4; 6; 17; 20; 27, 15]. А.Г. Дугин

¹ Steimer S. Economic inequality leads to democratic erosion, study finds // UChicago News. 17.01.2025. Accessed 25.12.2025. URL: <https://news.uchicago.edu/story/economic-inequality-leads-democratic-erosion-study-finds>.

еще в 2021 г. называл приход Трампа к власти на второй срок революцией из-за принятых 47-м президентом США решений, отменяющих решения 46-го президента. В монографии «Революция Дональда Трампа» он определяет как революционные нелиберальный взгляд Трампа на государство, наносимые Трампом удары по «международной сети либерал-глобалистов», борьбу с «культурой отмены» [4]. Такую оценку поддерживают и многие российские политики.

Институциональный подход к анализу политики Трампа применяет А.Р. Войтоловская, которая назвала свою статью «Обыкновенный «трампизм» [3]. Она считает принципиально важным такие основания трампизма, как трансформация «американской мечты», идеи социального равенства и, главное, представлений о роли государства. Победу Трампа автор интерпретирует «как предоставление гражданами президенту мандата на перестройку политической системы» [3, с. 64]. В соответствии с этим Трамп принимает решения, направленные «на пересмотр функционирования, финансирования и комплектации ведущих министерств и ведомств США» [3, с. 68], ориентируется «на архитектуру нового многополюсного постлиберального миропорядка, основой которого будут высокие технологии» [3, с. 69]. Авторы книги «Технологическая республика: Жесткая сила, слабая вера и будущее Запада» объясняют свое видение будущего США как высокотехнологичного государства во главе с сильным харизматичным лидером, успех которого будет зависеть от того, сможет ли культура инноваций, новейшие технологии искусственного интеллекта, поддерживать государственные цели [24]. А.Г. Войтоловская оценивает «Проект 2025», подготовленный фондом «Наследие» для Трампа и предлагающий продвижение технологического государства и подсчитывает, что хотя Трамп и не ссылается на положения «Проекта 2025», он уже на треть выполнен 47-м президентом США.

Оценки лидерства Трампа полярные, но все аналитики сходятся в том, что Трампу удастся комбинировать инновационные технологии и опору на традиционные ценности. Политическое лидерство Трампа — яркий пример того, как в стране с устоявшимися институтами и процедурами можно использовать идентичность в качестве стратегического ресурса для обоснования принимаемых решений в обход норм и правил.

КАК МЕНЯЕТ ИНДИЮ НАРЕНДРА МОДИ?

Аналогичный пример представляет собой индийский кейс — лидерство Нарендры Модии¹. Иоганн Рау, немецкий профессор, действительный член Научного форума по международной безопасности при Академии штабных офицеров Бундесвера (Гамбург) и Академии защиты Отечества (Вена) еще в 2019 г., характеризуя экономический взлет Индии, высказал предположение, что «Моди изменяет Индию всестороннее и глубже, чем Пандит Джавахарлал Неру. И не в пользу западных демократий, а скорее в пользу смешанной формы управления государством и руководства обществом. В ней громадную роль играют не только демократические институты, но и авторитет харизматических личностей, наряду с традиционным влиянием религии» [14, с. 151]. Нарендра Моди настаивает на том, что индуистское большинство должно играть более заметную и более объединяющую роль в жизни страны, оценивает секуляризм как западный концепт и призывает отделить подлинно индийское от наносного. Моди стал использовать идеологию хиндутвы для обоснования проводимой им исторической политики. В 2018 г. была создана комиссия из 12 историков, которым было дано задание переписать официальную историю Индии, сделав упор на индуистском прошлом как золотом веке истории страны. Изменению подвергается преподавание истории в школах и колледжах: «По итогам завершения деятельности Комиссии в 182 индийских учебника истории внесли 1334 поправки» [16, с. 559].

Возводятся грандиозные монументы индуистским божествам — Кришне, Вишну, Раме, монумент индуистскому вайшнавскому теологу, проповеднику и философу Раманудже в Хайдарабаде представляет собой самую высокую в мире фигуру сидящего человека (66 метров). Активизация движения Рам Джанмабхуми («Место рождения Рамы») стала знаковым проявлением политики хиндутвы. При закладке храма Рамы в городе Айодхья в 2020 г. Моди лично, несмотря на пандемию COVID-19, заложил первый камень в строительство «величайшего

¹ Кулик Л. Индийская политика — игра в шахматы в трех измерениях — Россия в глобальной политике. 13.06.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/india-shahmaty/?ysclid=mjn848d5ym399602228>.

храма»¹. В январе 2024 г. он выступил на открытии этого храма, снова в одеждах шафранового цвета, который традиционно носили индуистские аскеты и монахи. Религиозный вопрос оказался возведенным в ранг большой политики, как отмечают исследователи, власти стремятся «шафранизировать» индийское прошлое, настоящее и будущее» [16, с. 557].

В декабре 2019 г. были внесены поправки в закон о гражданстве от 1955 г., которые вводят упрощенный порядок предоставления гражданства Индии представителям «преследуемых» религиозных меньшинств, но в список не вошли мусульмане. Хиндутву активно продвигают сторонники Национально-демократического альянса, включающего Бхаратия Джаната Парти, в то время как оппоненты из ИНК критикуют Моди за политизацию религии. На результатах предвыборной кампании 2024 г. сказалось возмущение среди избирателей тревоги по поводу воинствующего индуистского национализма, который проявлялся и в некоторых электоральных выступлениях Моди.

Критики Моди обращают внимание на то, что он использует индуистский национализм и свои харизматические качества для централизации власти в Индии, подчинения партийных, бюрократических и федеральных структур его личному авторитету. Он реформировал назначение судей, усилил контроль над бюрократией с помощью основанной на базе информационных технологий платформы PRAGATI, а также Комитета по назначениям Кабинета министров (Appointments Committee), сделал полицию и избирательную комиссию зависимыми от Управления премьер-министра (РМО)². Управление правопорядка (ED) в Индии — правоохранительное и финансовое разведывательное агентство, по данным, собранным агентством Reuters

¹ Пахомов Е. Два победителя на одних выборах? В Индии подвели итоги голосования // ТАСС. 05.06.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2025. URL: <https://tass.ru/opinions/21001155>.

² Kohli A., Murali K. India under Modi: Shrinking democracy, growing inequalities // The India forum. 24.10.2025. Accessed 25.12.2025. URL: <https://www.theindiaforum.in/politics/india-under-modi-shrinking-democracy-growing-inequalities>.

в 2024 г., с момента прихода Нарендры Моды к власти вызвало на допрос или провело обыски почти у 150 оппозиционных политиков¹. 5 августа 2019 г. правительство Индии отменило статью 370 Конституции, которая предоставляла особый статус штату Джамму и Кашмир, а в 2023 г. Конституционный суд Индии единогласно поддержал это решение центрального правительства.

Эти решения дают основание утверждать, что некоторые независимые политические институты Индии за последнее десятилетие утратили или отказались от значительной части своих полномочий по отношению к влиятельной исполнительной власти. Правда, процесс это не однолинейный. Так, Верховный суд Индии предпринял шаги по защите прав меньшинств, заблокировав трем штатам, управляемым партией БДП, требование к владельцам магазинов указывать свои имена на фасадах зданий вдоль индуистских паломнических маршрутов и постановив, что власти штатов не могут сносить дома лиц, обвиняемых в преступлениях, без надлежащего судебного разбирательства — практика, которая непропорционально затрагивала мусульман².

По типологии Вятра, политическое лидерство Моды оказалось эффективным для мобилизации масс, способствовало росту БДП и расширению движения хиндутвы как индусского коммунизма, однако проводимая премьер-министром Индии политика ведет политическую систему страны в сторону централизации в ущерб демократии, сдвигая политические институты к гибриднему режиму, в котором харизма лидера разрушает институты вместо служения им³.

¹ Чайвала против Семьи // Коммерсантъ. 13.09.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8024917>.

² Ruparelia S. India in 2025: The year ahead in politics, economics, and foreign affairs // Asia Pacific Foundation of Canada. 24.01.2025. Accessed 25.12.2025. URL: <https://www.asiapacific.ca/publication/india-2025-year-ahead-politics-economics-and-foreign-affairs>.

³ M. Modi's route to centralized government and its implications for rural development — OpEd // Eurasia review — a journal of analysis and news. 01.07.2025. Accessed 25.12.2025. URL: <https://www.eurasiareview.com/01072025-modis-route-to-centralized-government-and-its-implications-for-rural-development-oped/>.

Однако такого рода суждения и выводы делают преимущественно западные ученые. В российских СМИ внимание приковано к харизме индийского премьера, его невероятной коммуникационной активности (за 6 недель предвыборной кампании 2024 г. он выступил на 200 митингах и провел 80 интервью); к его убежденности в своем предназначении возвысить Индию¹; к его честности и аскетизму. Выборы отличались активностью оппозиции, которой удалось взять реванш за предыдущие провалы и получить 230 мест в нижней палате (БДП — 292 места), они продемонстрировали наличие политической альтернативы и высокую конкурентность политической борьбы, что ставит под сомнение тезис об авторитаризме режима Моди.

ПЕРЕСТРОЙКА СИ ЦЗИНЬПИНА

Политическую систему Китая китаеведы сравнивают с черной лаковой шкатулкой, в которой неясно, что происходит и как принимаются решения. Очевидна радикальная перестройка политических институтов, которую проводит Си Цзиньпин, начиная с 2013 г. Си перестроил систему так, чтобы ключевые решения принимались партийными, а не государственными структурами, ключевые полномочия перешли от Госсовета к ЦК КПК и его комиссиям, созданы мощные партийные комиссии и комитеты (по нацбезопасности, праву, финансовому контролю, науке и технике), которые стоят выше соответствующих министерств и задают им курс; стратегические решения концентрируются в центральных партийных органах, а не распределяются по ведомствам². На XIX съезде в Устав КПК была включена фраза: «На востоке, западе, юге, севере и в центре партия руководит всем».

Важное институциональное значение имело создание новых органов. Согласно плану, опубликованному КПК в марте 2018 г., структура центрального руководящего комитета КПК была реорганизована

¹ Почему партия Моди показала на выборах наихудший результат за 15 лет // РБК. 04.06.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/06/2024/665f18899a794747f3ba1172>.

² Gore L. How Xi Jinping built a party-centred administrative regime // ThinkChina. 03.10.2023. Accessed 25.12.2025. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/how-xi-jinping-built-party-centred-administrative-regime>.

на. Были созданы Центральная комиссия по всестороннему углублению реформ, Центральный комитет по всестороннему правовому управлению, Центральная комиссия по вопросам киберпространства, Центральный финансово-экономический комитет и Центральный комитет по иностранным делам¹. Одним из главных результатов институциональной реформы стало создание новой и влиятельной Национальной надзорной комиссии (ННК). ННК функционирует как высший антикоррупционный орган в Китае. Ее задача — совместно с Центральным дисциплинарно-инспекционным комитетом КПК (ЦДИК) осуществлять надзор за всеми государственными служащими. Полномочия этого органа обширны: заморозка активов, обыски, задержания. Его деятельность и антикоррупционная кампания не смогли ликвидировать коррупцию, но позволили через проверки и расследования выстраивать лояльность элит и усиливать вертикаль внутри партии и государства. В силовом и правовом блоке была создана Центральная комиссия по всестороннему управлению на основе права, усиливающая партийный надзор над судами и органами безопасности. Си взял на себя ключевые функции управления военными силами посредством Центрального военного совета, в котором он играет центральную роль².

В резолюции XX съезда КПК предложена хронология истории КНР, в которой присутствуют лишь три «большие эпохи», соответствующие трем политическим лидерам: Мао Цзэдуну, Дэн Сяопину и Си Цзиньпину. Каждая эпоха описывается соответствующим состоянием китайской нации: «поднялась», «разбогатела», «стала сильной». В 2018 г. были внесены серьезные изменения в Конституцию 1982 г.: вписано положение о новой эпохе развития социализма с китайской спецификой; сняты ограничения на количество сроков пребывания на посту

¹ Guo B. Revitalizing the Chinese party-state: Institutional reform in the Xi era // China currents. 2019. Vol. 18. No. 1. Accessed 25.12.2025. URL: <https://www.chinacenter.net/2019/china-currents/18-1/revitalizing-the-chinese-party-state-institutional-reform-in-the-xi-era>.

² Wu G. How Xi Jinping is remaking China // Journal of democracy. Accessed 25.12.2025. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/news-and-updates/how-xi-jinping-is-remaking-china/>.

Председателя КНР; подтверждена руководящая роль Коммунистической партии Китая в качестве самой существенной отличительной особенности социализма с китайской спецификой.

Депутаты Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в марте 2018 г. признали идеи Си Цзиньпина о государственном развитии Китая в новую эру «новейшим достижением китаизации марксистской теории». Руководство КНР заявляет о приверженности страны особому сфокусированному на народе подходу к правам человека, с приоритетом прав коллективного характера, связанных, прежде всего, с безопасностью во всех ее проявлениях¹.

Си последовательно придерживается стратегии Китая как глобальной державы с глобальными ценностями, важной в этой стратегии является идея «сообщества судьбы» (*минъюнь гунтунти*) с глобальным миром. «Сообщество единой судьбы человечества» содержит в риторике Си призыв к глобальному сотрудничеству, отказу от конфронтации и построению справедливого мирового порядка. Мягкая сила в дипломатии Си (*Xiplomasy*) включает продвижение китайской культуры, образования и экономических моделей как альтернативы западной гегемонии. По мнению российских ученых, «мягкая сила» КНР позволяет быть могущественной и действительно сильной державой, не нанося какого-либо ущерба другим государствам [7].

Переход Китая от политики «скрывать свои возможности и держаться в тени» к активному строительству образа крупной державы с китайской спецификой продвигается Си Цзиньпином параллельно с предложенной им в 2023 г. Глобальной инициативой цивилизации, направленной на преодоление межкультурных барьеров, надменного отношения одних цивилизаций по отношению к другим. После IV пленума ЦК КПК в октябре 2025 г. внесены уточнения в идею «сообщества китайской нации» (中华民族), что подразумевает укрепление единства всей страны через культуру, общие исторические ценности и поли-

¹ Wang Yi H.E. A people-centered approach for global human rights progress: Remarks at the high-level segment of the 46th session of the UN Human Rights Council // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. 22.02.2021. Accessed 25.12.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1855685.shtml.

тическиую сплоченность. Политическое лидерство Си отличает «его способность сочетать свой выдающийся личный нарратив с амбициозными целями Китая, такими как «Китайская мечта о великом возрождении», основанная на сочетании идей китайского национализма и Коммунистической партии Китая (КПК). Жесткий и идеологизированный лидер, он может сменить риторику, чтобы произвести благоприятное впечатление и добиться своего, например, в среде западной бизнес-элиты, когда его речь в ноябре 2023 г. в Сан-Франциско сотни руководителей американских компаний встретили бурными овациями¹. Его тщательно выстраиваемый имидж человека, близкого к народу («принца от народа»), перенесшего испытания, хорошо знающего китайский фольклор и культуру, умеющего использовать традиционные китайские афоризмы, дает свой эффект в воздействии на широкую аудиторию².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В большинстве исследований политического лидерства отмечено, что нельзя судить о значимости того или иного лидера, пока не завершился срок его пребывания у власти, пока не станут очевидны результаты его политики. Однако очевидно, что имеет смысл оценить те изменения в политическом курсе и в функционировании политических институтов, которые были проведены лидером. «Институты одновременно предоставляют и ограничивают возможности. Они помогают лидерам проводить их политику. Вместе с тем их нормы, процедуры и коллективная мораль ограничивают свободу действий лидера, — отмечает А. Браун. — Институты, несомненно, влияют на то, что способны делать лидеры, а их решения, в свою очередь, отражаются на институтах» [2, с. 72, 75]. Браун предлагает отнести тех, «кто играет решающую роль в проведении системных изменений, будь то изменения политической или экономической системы их стран или изменения в системе международных отношений», к типу преобразую-

¹ Kuo M.A. Leadership psychology of China's Xi Jinping // The Diplomat. 26.02.2024. Accessed 25.12.2025. URL: <https://thediplomat.com/2024/02/leadership-psychology-of-chinas-xi-jinping/>.

² Ibid.

щих лидеров [2, с. 162]. В его интерпретации изменения, внесенные лидерами, должны быть «к лучшему», т.е. проведены в демократическом ключе. Брауна огорчают современные тенденции трансформации ряда либеральных демократий в гибридные режимы, равно как и желание людей в трудные времена «найти правильного руководителя героического склада и поручить ему решение всех проблем» [2, с. 1].

Генри Киссинджер, анализируя современное политическое лидерство, говорит о новых вызовах — парадоксах эпохи высоких технологий, которые делают более опасной геополитическую конкуренцию, формируют разрывы между миром технологий, политики, истории и философии [5, с. 557]. В современной ситуации роль лидеров усиливается в связи с нарастанием кризисов, в том числе в международных отношениях, а также благодаря влиянию новых коммуникационных технологий и социальных медиа, которые увеличивают значимость харизматических качеств лидера. Харизматические лидеры могут мобилизовать поддержку в пользу изменений, в том числе институциональных. Лидеры способны создавать эмоциональную связь и поддерживать политическую солидарность, формировать «культурное обрамление» власти, интегрировать общественные настроения, в том числе вне рамок формальных институтов и процедур, которые оказываются менее гибкими и не всегда соответствуют динамике общественных запросов и эмоций, особенно в кризисные времена. В таких ситуациях лидеры могут вступать в конфликт с действующими политическими институтами, стремятся трансформировать их так, чтобы они стали эффективными инструментами для реализации предлагаемых лидерами программ, идентичностей, политических курсов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. **Электронная почта:** lafadееva2007@yandex.ru.

Research Article

LYUBOV A. FADEEVA¹

¹ Perm State National Research University
15, Bukireva St, 614068, Perm Krai, Perm, Russia

Abstract. This article clarifies the concepts of institutional and non-institutional leadership and characterizes the interaction between political leaders and institutions in crisis situations. The author examines three case studies — American, Indian, and Chinese — to determine how and by what methods leaders transform political institutions to achieve their programmatic goals. The article devotes significant attention to political identity, which leaders use as a non-institutional resource for their influence. Make America great again, use Hindutva as a unifying religion and ideology for Indian society, and ensure the achievement of the Chinese dream — such appeals should create an emotional foundation to support leaders in their efforts to transform political institutions. The author points to other non-institutional components of political leadership — charisma, emotional impact, and psychological characteristics — that leaders employ to enhance their power. According to the author, these components are particularly important in a context of permanent crisis, a key characteristic of which is emotional burnout, which occurs in people due to the constant experience of ever-increasing risks, threats, and dangers. Consequently, the psychological aspects of political leadership, a kind of psychotherapeutic effect that a leader must create to maintain public confidence in the validity of their proposed programs and the methods of their implementation, are increasingly important. In the cases examined in the article, the key issue is the promotion and consolidation of the country as a center of power in the 21st century, in a world that has not yet become, but is certainly striving for, multipolarity.

Keywords: political leadership, institutions, permanent crisis, leaders, charisma, identity, transformation.

For citation: Fadeeva L.A. Leaders vs. institutions: paradoxes and practices. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 7–26.
DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University.

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Айбазова М.М. Политико-психологический профиль Дональда Трампа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 463–471. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471>. EDN: PVNRXC
Aybazova M.M. Donald Trump's political and psychological profile. *Vestnik RUDN. International relations*. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 463–471. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471>. (In Russ.)
2. Браун А. Типы лидерства. Определить, найти подход, добиться своего / Пер. с англ. Е. Деревянко. М.: Бомбора, 2019. 416 с.
Brown A. The myth of the strong leader: Political leadership in the modern age. [Russ. ed.: *Tipy liderstva. Opredelit', nayti podkhod, dobit'sya svoego*. Transl. from Eng. by E. Derevyanko. Moscow: Bombora, 2019. 416 p.]
3. Войтоловская А.Р. Обыкновенный «трампизм» // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 9. С. 62–72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-9-62-72>. EDN: ORIDKL
Voitolovskaya A.R. Ordinary “Trumpism”. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*. 2025. Vol. 69. No. 9. P. 62–72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-9-62-72>. (In Russ.)
4. Дугин А.Г. Революция Дональда Трампа. Порядок великих держав. М.: Академический проект, 2025. 307 с.
Dugin A.G. *Revolutsiya Donal'da Trampa. Poryadok velikikh derzhav* [The revolution of Donald Trump. The order of great powers]. Moscow: Akademicheskii projekt publ., 2025. 307 p. (In Russ.)
5. Киссинджер Г. Лидерство / Пер. с англ. С. Рюмина. М.: Издательство АСТ, 2024. 624 с.
Kissinger H. Leadership. [Russ. ed.: *Liderstvo*. Transl. from Eng. by S. Ryumin. Moscow: AST publ., 2024. 624 p.]
6. Коптелова И.Е., Панёвкина Е.И. Трамп и трампизмы 2.0 // Филологический аспект. 2025. № 6 (122). С. 51–57. EDN: SFLJAD
Koptelova I.E., Panyovkina E.I. Trump and Trumpisms 2.0. *Filologicheskii aspekt = Philological aspect*. 2025. No. 6 (122). P. 51–57. (In Russ.)
7. Кочетков В.В., Грачиков Е.Н. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6. № 3. С. 40–62. EDN: TNYHBP
Kochetkov V.V., Grachikov E.N. Identity as a source of China's soft power. *Lomonosov World Politics Journal*. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 40–62. (In Russ.)

8. Лапкин В.В. Потенциал адаптации современного государства к условиям глобального разупорядочения // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 63–84.
Lapkin V.V. Potentsial adaptatsii sovremennogo gosudarstva k usloviyam global'nogo razuporyadocheniya [The potential for adaptation of the modern state to the conditions of global disorder]. *Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsial'noy real'nosti XXI veka* [The state in political science and the social reality of the 21st century]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2020. P. 63–84. (In Russ.)
9. Муратов А.В., Фридман М.Ф. Институционализация политического лидерства: предмет, проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). С. 9–19.
<https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-3-9-19>. EDN: HNOVEC
Muratov A.V., Fridman M.F. The phenomenon of political leadership: The problem of institutionalization of public power. *Upravlencheskoye konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2024. No. 3 (183). P. 9–19.
<https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-3-9-19>. (In Russ.)
10. Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996. 301 с.
Peregudov S.P. *Tetcher i tetcherizm* [Thatcher and Thatcherism]. Moscow: Nauka publ., 1996. 301 p. (In Russ.)
11. Петрушихина Е.Б. Концепция харизматического лидерства: современное состояние и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 10–25.
<https://doi.org/10.28995/2073-6398-2024-2-10-25>. EDN: KSJKJD
Petrushikhina E.B. Charismatic leadership: Current state and future research agenda. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2024. No. 2. P. 10–25. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2024-2-10-25>. (In Russ.)
12. Петрушихина Е.Б. Теоретические проблемы харизматического лидерства // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2017. С. 134–136.
Petrushikhina E.B. Teoreticheskie problemy kharizmaticheskogo liderstva [Theoretical problems of charismatic leadership]. *Aktual'nye problemy psikhologii truda: teoriya i praktika. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of labor psychology: Theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnoyarsk: SibGU im. M.F. Reshetneva publ., 2017. P. 134–136. (In Russ.)

13. Пирогов А.И. К анализу веберовской концепции харизматического лидерства // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2011. № 3 (9). С. 91–100. EDN: NXOXJR
Pirogov A.I. On the analysis of Weber's concept of charismatic leadership. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*. 2011. No. 3 (9). P. 91–100. (In Russ.)
14. Рау И. Взлет Индии под руководством Нарендры Моди // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 150–163. EDN: ADFHJA
Rau I. The rise of India under the leadership of Narendra Modi. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*. 2019. No. 5. P. 150–163. (In Russ.)
15. Самуйлов С.М. Трампизм: раскол общества и элиты. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 234 с.
Samujlov S.M. *Trumpizm: raskol obshchestva i elity* [Trumpism: The split of society and the elite]. Moscow: Ves' Mir publ., 2022. 234 p. (In Russ.)
16. Солодкова О.Л., Анташева М.С. Хиндутва как фактор объединения и конфронтации в индийском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567>. EDN: XHFGYF
Solodkova O.L., Antasheva M.S. Hindutva as a factor of unification and confrontation in Indian society. *RUDN Journal of World History*. 2024. Vol. 16. No. 4. P. 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567>. (In Russ.)
17. Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь Мир, 2018. 264 с.
Travkina N.M. *SShA: menayushchiysya algoritm razvitiya* [The USA: A changing development algorithm]. Moscow: Ves' Mir publ., 2018. 264 p. (In Russ.)
18. Фадеева Л.А. Перманентный кризис // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023. С. 371–377.
Fadeeva L.A. Permanent crisis. *Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity. Person. Society. Politics. New contours of the research field]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2023. P. 371–377. (In Russ.)
19. Фадеева Л.А., Старкова М.А. Политическое лидерство в современном мире: учебное пособие [электронный ресурс]. Пермь: Пермский государ-

- ственный национальный исследовательский университет, 2020. 144 с. Дата обращения 25.12.2025. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/politicheskoe-liderstvo-v-sovremennom-mire.pdf>.
- Fadeeva L.A., Starkova M.A. *Politicheskoe liderstvo v sovremennom mire: uchebnoe posobie* [Political leadership in the contemporary world: Textbook]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2020. 144 p. Accessed 25.12.2025. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/politicheskoe-liderstvo-v-sovremennom-mire.pdf>. (In Russ.)
20. Феномен Трампа: Монография / Ред. А.В. Кузнецов. М.: ИНИОН, 2020. 642 с.
- Fenomen Trampa: monografiya* [The Trump phenomenon: A monograph]. Ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow: INION publ., 2020. 642 p. (In Russ.)
21. Шестопал Е.Б. Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 181–191.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>. EDN: TGAEET
- Shestopal E.B. *Paradoksy politicheskogo liderstva* [Paradoxes of political leadership]. *Polis. Political studies*. 2023. No. 3. P. 181–191.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>. EDN: TGAEET (In Russ.)
22. Elgie R. *Political leadership in liberal democracies*. Basingstoke: Macmillan, 1995. 231 p.
23. Elgie R. *Political institutionalist leadership: A pragmatic approach*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 281 p.
24. Karp A., Zamiska N. *The technological republic: Hard power, soft belief and the future of the West*. New York: Crown Currency, 2025. 320 p.
25. MacMenamin J. Robert Elgie and the nature of political science // *French politics*. 2022. Vol. 20. P. 259–265. <https://doi.org/10.1057/s41253-022-00174-0>.
26. Wiatr J.J. *Political leadership between democracy and authoritarianism: Comparative and historical perspectives*. Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich. 2022. 203 p.
27. Wilson C.A. *Trumpism: Race, class, populism, and public policy*. Lexington books, 2021. 244 p.
28. Young H. *One of us: A biography of Margaret Thatcher*. London: Macmillan, 1991. 655 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.2>.

EDN: QFQRSX

*Е.В. МАСЛОВСКАЯ*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭЛИТА БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕФОРМАМ И ВЫЗОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: В настоящей статье исследуются механизмы сопротивления юридической элиты судебным реформам в Болгарии и Румынии с начала 1990-х гг. Представлен анализ исторического контекста и развития судебных систем обеих стран в период транзита и после вступления в ЕС, выделены ключевые группы юридической элиты и их влияние на процесс реформирования. Акцент сделан на системном исследовании национального уровня в контексте стратегий и тактик представителей элитных групп внутри и вне судебной системы в ходе секторальных реформ, сопровождающих процесс европейской интеграции. Особое внимание уделяется роли председателей судов и судей высших инстанций, которые посредством институциональных ресурсов, контроля над кадровой политикой и формированием профессиональной культуры препятствовали проведению реформ, направленных на создание системы верховенства права. Анализируются основные стратегии противодействия, включающие использование бюрократических и нормативных барьеров, а также сохранение клиентелистских практик, обусловленных в том числе историческим наследием социалистического периода. Подчеркивается, что доминирование политического патронажа и сетей взаимных обязательств препятствовало формированию меритократических принципов рекру-

тинга, оценки и продвижения судей, что снижало эффективность нововведений и углубляло кризис легитимности судебной власти. Сделан вывод о том, что стратегии сопротивления юридической элиты представляли собой комплекс институциональных, культурных и политических практик, которые обуславливали инерцию судебных систем и значительно усложняли процесс имплементации европейских стандартов. Полученные результаты демонстрируют, что эффективность реформ зависит не только от внешнего давления, но и от трансформации внутренней кадровой политики и корпоративных норм в судебной системе. Судебные реформы в Болгарии и Румынии иллюстрируют наличие множественности модернизационных траекторий, зависящих от историко-культурного контекста, взаимодействия локальных и глобальных акторов, а также баланса сил внутри юридического поля. Статья вносит вклад в развитие теоретических представлений о процессах судебных реформ в постсоциалистических странах.

Ключевые слова: множественные модерности, судебная реформа, юридическая элита, политика ЕС, Болгария, Румыния.

Для цитирования: Масловская Е.В. Юридическая элита Болгарии и Румынии: противодействие реформам и вызовы европейской интеграции // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 27–61.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.2>. EDN: QFQRSX

ВВЕДЕНИЕ

В процессе интеграции в Евросоюз страны Юго-Восточной Европы, в том числе Болгария и Румыния, были вынуждены решать задачу по реформированию судебно-правовой системы. Распространение правовых институтов, идеологий и доктрин является прерогативой профессиональных элит. Изучение трансфера институтов и норм, их последующей рецепции демонстрирует наличие противоположных взглядов среди элитных групп по вопросу о вступлении в ЕС или о согласии с комплексом требований к потенциальным странам-кандидатам, порождающих конфликты и затягивающих процесс принятия реформ [8; 13]. При этом компетенция различных групп внутри элит и отстаиваемая ими позиция оказываются результатом сложного и неоднозначного взаимодействия исторического опыта и новых социально-экономических условий.

Практический опыт вступивших в 2007 году в ЕС Румынии и Болгарии продемонстрировал критическую значимость судебных реформ для всего процесса интеграции. В этих странах реформирование судебной системы стало ареной интенсивной политической борьбы, в ходе которой политические и юридические акторы, стремясь сохранить статус-кво, активно противостояли изменениям [14]. Подобная ситуация позволила ряду исследователей представить судебную реформу как сферу высокой политики [31], в которой распределение выгод и издержек от реформ приобретает чрезвычайно сложный характер. По своей сути, данные преобразования оспаривают сложившийся баланс структур власти, затрагивая интересы политических, бюрократических и судебных элит [13]. Общий вывод заключается в том, что влияние Европейского союза, несмотря на существующие ограничения, способно сыграть роль катализатора, создавая критический момент для проведения реформ. В то же время дальнейшая динамика изменений определяется в рамках внутренних политических процессов, и успех реформ напрямую зависит от готовности национальных политических и юридических элит отказаться от наследия предыдущих режимов. В этом смысле, сопротивление реформам — это не просто проявление некоего консерватизма, но активное противостояние трансформации властных отношений и культурных паттернов.

Основной целью статьи является выявление причин и механизмов сопротивления юридической элиты судебной реформе в Румынии и Болгарии. Данная группа включает в себя судей высших судебных инстанций, председателей судов, членов Высшего совета судей, высокопоставленных работников прокуратуры и чиновников органов юстиции. Представлен анализ исторического контекста и развития судебных систем обеих стран в период транзита и после вступления в ЕС, выделены ключевые группы юридической элиты и их влияние на процесс реформирования. Акцент сделан на системном исследовании национального уровня в контексте стратегий и тактик представителей элитных групп внутри и вне судебной системы в ходе секторальных реформ, сопровождающих процесс европейской интеграции. Кроме того, важным представляется исследование факторов, способствующих или препятствующих реформам в судебной системе, с акцентом на культурные и институциональные аспекты. В результате

формируется комплексное понимание имплементации норм, рассматриваемой как кумулятивный эффект взаимодействия целого ряда социальных процессов. Такой подход выходит за рамки простой интериоризации новых норм и включает внутреннюю динамику, обусловленную политическими интересами и стратегиями различных категорий акторов, вовлеченных как в правовую систему, так и в государственное управление. Исследование базируется на социологическом анализе конкретных изменений, связанных с процедурами рекрутинга, назначения и карьерного продвижения судей, т.е. ключевых механизмов, направленных на повышение профессионального уровня акторов судебной системы в странах Юго-Восточной Европы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В 1990-е годы особой популярностью среди исследователей, анализировавших процессы социальной трансформации в странах Восточной Европы, пользовался транзитологический подход, который формировался под влиянием модернизационной теории, прежде всего концепции американского социолога Т. Парсонса. Сторонники транзитологии сводили наследие коммунистической системы преимущественно к негативным аспектам, рассматривая его как совокупность общественных паттернов и ментальных установок, несовместимых с рыночной экономикой и препятствующих ходу трансформации. В рамках модернизационной логики западная модель капитализма, демократии и национального государства выступала в роли универсального стандарта, к которому должны были стремиться постсоциалистические общества. Программа перехода при этом формулировалась как последовательность конкретных шагов и мер, направленных на максимально быстрое приближение к этому идеалу. Однако сторонники транзитологического подхода зачастую игнорировали возможные непреднамеренные последствия трансфера западных институтов и практик.

Социологически ориентированный подход к анализу развития восточноевропейских обществ, предложенный Й. Арнасоном [6; 7], отличается от транзитологии тем, что он не рассматривает их просто

как часть западной цивилизации, которая «возвращается к нормальности» после коммунистического периода. Вместо этого Арнасон трактует историю восточноевропейских стран как последовательную смену различных типов современного общества, на которую оказывали существенное влияние внешние геополитические и идеологические факторы, а также исторические случайности. Такой подход позволяет учитывать сложную и неоднородную траекторию развития региона, выходящую за рамки линейной модернизационной модели. Однако в своих работах, посвященных трансформационным процессам в Восточной Европе, Арнасон практически не затрагивает правовую проблематику.

Фокус на трансформации правовых институтов в странах Восточной Европы отличает подход П. Блоккера [9; 10]. Опираясь на основные положения концепции Арнасона, Блоккер проводит различие между теми обществами, которые приняли определенную модель модернизации в силу «внутренней логики» своего развития, и теми, которые «просто попали в орбиту геополитических и исторических обстоятельств» [6, р. 436]. Осмысляя историю и современность в странах Восточной Европы в категориях «открытости» и «закрытости», исследователь стремится предложить альтернативу мейнстримным подходам к объяснению модернизации в странах этого региона. В результате Блоккер приходит к выводу о том, что в данном регионе наблюдалось несколько соперничающих модернизационных проектов, возникавших в ходе адаптации к местным обстоятельствам идей и практик социального развития западноевропейских стран [2, с. 19].

Этот исследователь обращается к примерам Польши, Чехии, Венгрии и Румынии. В целом формирование идентичности в данных странах связано с постоянным напряжением между двумя взаимоисключающими стремлениями — к самобытности (обособленности) и к открытости («европейскости»). Тем самым, модернизацию в этом регионе автор описывает как прерывистую цепь перемен, состоящую из свертывания ряда модернизационных подвижек и возникновения новых конфигураций. Важно заметить, что Блоккер не связывает традиции закрытости в Восточной Европе лишь с «недостаточным» усвоением модерности или неспособностью воплотить у себя структуры и принципы существования современного Запада. Напротив,

он подчеркивает, что эти традиции следует объяснять наличием противоречивых тенденций и интерпретаций различных путей к модерности.

Далее Блоккер проводит дифференциацию форм открытости и закрытости: идеологической, культурной, политической и экономической. Среди выделенных им четырех случаев взаимодействия западной модернизации и либерализации с локальной средой в Восточной Европе обратим внимание на последний, произошедший в конце 80-х гг. XX века. Раскрывая особенности этого этапа, автор отмечает первоначальное преобладание нарратива «нормализации» и «возвращения в Европу», получившего свое отражение в закреплении новых ценностей в демократических конституциях 1990-х гг. Вместе с тем, хотя мнение несогласных с этим нарративом было маргинализировано, его носители со временем вновь стали обретать политический вес. Согласно выводу, к которому приходит исследователь, «нарратив открытого либерального общества только частично соответствует реальности, поскольку единая по характеру модернизация не может не иметь дела с грузом прошлого и вдобавок испытывает влияние различных нарративов переходного периода» [2, с. 30].

Неудивительно, что процесс трансформации правовых институтов восточноевропейских обществ оказывается сложным и противоречивым. Описывая этот процесс [9; 10], Блоккер указывает, что преобладавший в нулевые годы подход к реформированию политико-правовой сферы оказался принципиально не способен отрешиться от логики модернизации. В рамках этой логики «крайне сложные и извилистые процессы политических, социальных, экономических и культурных трансформаций понимались теоретиками модернизации как полностью управляемые и регулируемые» [1, с. 166]. Сторонники подобной инженерии представляли демократию и правовое государство как четко структурированную институциональную систему, поддающуюся рациональному и последовательному внедрению. Блоккер же выступает за более нюансированный подход, учитывающий исторические траектории демократического и правового развития и рассматривающий их как сложные противоречивые процессы, протекающие внутри общества. Таким образом, подход Блоккера расширяет и углубляет понимание модернизации и трансформации

в Восточной Европе, подчеркивая важность локальных особенностей, множественности нарративов и сложности правовых реформ в условиях исторической неоднородности региона.

В научной литературе, посвященной изучению трансформационных процессов в странах Восточной Европы, выделяется широкий спектр факторов и условий, действующих как на уровне Европейского союза, так и внутри национальных контекстов, которые могут либо способствовать, либо препятствовать эффективному влиянию ЕС на процессы судебной реформы. Эмпирические исследования демонстрируют, что такого рода факторы проявляются неодинаково в разных странах и оказывают дифференцированное воздействие на траекторию и результаты реформирования судебной системы. В ряде работ внутренние условия рассматриваются как «параметры», которые варьируются по форме и интенсивности в каждом конкретном национальном случае [21]. Особое внимание при этом уделяется наличию внутри и вне судебной системы как противников реформ, так и агентов перемен, а также структурным ограничениям, обусловленным историческим наследием. Подходы, основанные на концепции «агентов перемен» (change agents), выделяют роль национальных акторов — судей различных инстанций, сотрудников судебного аппарата, адвокатов, в редких случаях административных руководителей или прокуроров, — которые при поддержке международных организаций могут инициировать и поддерживать реформы, несмотря на возникающее сопротивление. В частности, М. Мендельски подчеркивает, что устойчивость реформ зависит от формирования коалиций и сетей внутри судебной системы, усиливающих эффект внешнего давления [36]. Это согласуется с теорией социального капитала [41], подчеркивающей значение сетей доверия и сотрудничества для успешного внедрения изменений. Кроме того, подход «многоуровневого управления» (multilevel governance) позволяет рассмотреть реформы как результат взаимодействия международных, национальных и локальных уровней власти и акторов [33]. Этот подход отражает сложность координации норм и практик, а также неоднородность влияния внешних агентов в зависимости от уровня и контекста. Наконец, теория институциональной логики [23] помогает понять, как конфликт и синтез различных ценностных систем — европейской, американской

и национальной — формируют уникальные модели реформирования судебной системы. При этом, конкуренция между логиками права, политики и экономики проявляется в разной ориентации европейских и американских стратегий, а также в сопротивлении и адаптации национальных акторов.

Теория институционального изоморфизма [19] помогает объяснить, почему национальные судебные системы принимают внешние стандарты и нормы. Давление со стороны Европейской комиссии и международных финансовых организаций создавало нормативное и миметическое давление, стимулируя адаптацию национальных институтов к международным «лучшим практикам». В рамках исследований европеизации сформировалась концептуальная модель, описывающая динамику трансфера норм и их институционального укоренения в национальной среде. Согласно этой модели, успешность усвоения и интеграции новых норм напрямую коррелирует со степенью их совместимости с внутренними политико-правовыми, институциональными и культурными особенностями страны. Применительно к судебным реформам в странах Юго-Восточной Европы это означает, что формальное копирование западных стандартов и практик вряд ли способно обеспечить качественные изменения в функционировании правосудия. Это обусловлено значительными расхождениями между экспортируемыми моделями и национальными правовыми традициями, институциональной структурой, экономическим контекстом, а также уровнем институционального потенциала. Таким образом, учитывая национальные правовые традиции и специфику, возможно не механическое копирование, а адаптивный изоморфизм с локальной интерпретацией.

Кроме того, концепции профессионализации и автономии судебной власти подчеркивают важность институциональных механизмов, таких как Высшие советы судей, обеспечивающих независимость судей и предотвращающих политическое вмешательство. Эти теоретические рамки помогают объяснить, почему нормативные стандарты и процедурные реформы, рекомендованные международными акторами, могут иметь разную степень реализации в зависимости от уровня институциональной зрелости и политической воли. Ключевым фактором, замедляющим адаптацию, выступает активное сопротивление

со стороны влиятельных акторов как внутри судебно-правовой системы, так и за ее пределами (это, прежде всего, представители политической и административной элит). Вместе с тем, несмотря на эти вызовы, отдельные элементы западного опыта постепенно интегрируются, хотя этот процесс протекает значительно медленнее, чем предполагалось в первоначальных прогнозах.

Данное исследование основано на сравнительном анализе судебных реформ в Болгарии и Румынии в процессе европейской интеграции, что позволило выявить особенности и различия в стратегиях трансформации судебных систем в двух странах. Методология включает несколько ключевых компонентов. Во-первых, использован метод кейс-стади, фокусирующийся на двух странах, что обеспечивает понимание контекстуальных факторов и специфики взаимодействия международных и национальных акторов. Выбор Болгарии и Румынии обусловлен их схожим историческим и политическим контекстом, а также статусом новых членов Европейского союза, что позволяет выявить общие тенденции и локальные вариации. Во-вторых, анализ подкреплен обзором академической литературы по судебным реформам в Восточной Европе, что обеспечивает теоретическую основу и позволяет соотнести эмпирические данные с существующими концепциями институциональных изменений и международного влияния. Особое внимание уделялось работам, в которых исследуются механизмы внешнего давления и роль внутренних «агентов перемен» в судебной сфере.

В-третьих, для раскрытия динамики взаимодействия акторов использовался подход, позволяющий проследить эволюцию реформ в течение нескольких этапов, начиная с подготовки к вступлению в ЕС и заканчивая мониторингом в период после вступления. Это позволило выявить, как менялись стратегии международных организаций и национальных властей в ответ на внутреннее сопротивление и внешние требования. Наконец, учитывались институциональные и профессиональные факторы, влияющие на успешность реформ, включая роль Высших советов судей, Ассоциаций судей, степень независимости судебной власти и уровень консолидации юридической элиты. Такой комплексный подход обеспечивает целостное понимание процессов реформирования и взаимодействия международных и национальных акторов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В ходе анализа постсоциалистических трансформаций в Восточной Европе необходимо учитывать не только общий опыт реального социализма, который зачастую воспринимается как фактор гомогенизации, но и историко-культурные различия между странами региона. Традиционные подходы транзитологии, акцентирующие внимание на универсальности социалистического наследия, не всегда способны адекватно отразить сложность и многообразие процессов, происходящих в разных национальных контекстах. Особое значение имеет различие между странами Юго-Восточной Европы, где до установления коммунистических режимов доминировали наследие Османской империи и православная религиозная традиция, и государствами Центрально-Восточной Европы с их габсбургским имперским прошлым и католической культурой. Как отмечают исследователи, византийско-православное и османское наследие было «решающим для формирования политических, экономических и интеллектуальных структур, направивших Балканы по особому пути развития по сравнению с другими регионами Европы» [38, р. 161].

Период между двумя мировыми войнами характеризовался в странах Восточной Европы усилением «закрытости» по отношению к проекту либеральной модерности. «Второе столкновение с модерностью весьма усилило нестабильность во всем регионе, полностью встроив его в цивилизационные рамки “периферии Западной Европы”. В этом смысле внезапное сворачивание либеральной модернизации практически во всем регионе и стратегический курс на установление диктаторских режимов должны описываться как опыт “прерванной модерности”, затронувший судьбу всего этого региона» [2, с. 25]. Блоккер отмечает, что «прерванная модерность» наиболее отчетливо проявилась «в странах, которые, как “Великая” Румыния после 1918 года, прониклись чувством собственного могущества (в результате как территориальной экспансии, так и реализации надежд прежних поколений о соединении нации)» [2, с. 25]. Тем не менее, несмотря на эти сложности, доминирующее влияние православной традиции и османского наследия продолжало определять социокультурные и институ-

циональные рамки, формируя устойчивые паттерны политической и правовой эволюции в Юго-Восточной Европе. Это наследие не было стерто потрясениями межвоенного периода; напротив, оно интегрировалось в механизмы диктатур и последующие трансформации, усиливая региональную специфику. Таким образом, специфическое сочетание православного и османского наследия выступает ключевым фактором, объясняющим траекторию трансформаций в Юго-Восточной Европе, где даже в условиях кризисов и разрывов в процессах модернизации сохранялась преемственность культурных и институциональных основ.

Важно отметить также специфичность политических и социокультурных моделей социалистического периода в Болгарии и Румынии. Если Болгария широко воспринималась как «наиболее лояльный сателлит Советского Союза» [7, р. 96], то Румыния представляла собой пример девиантной, но радикальной версии коммунистического режима. Приход к власти Чаушеску в 1965 году привел к изоляционистской траектории «национального коммунизма» [2, с. 29]. Тем не менее, по мнению Й. Арнасона, для обеих стран были характерны три общие закономерности. Во-первых, по сравнению с СССР и государствами Центрально-Восточной Европы, болгарский и румынский режимы постсталинского периода демонстрировали более сильную тенденцию к автократии. Во-вторых, коммунизм в этих двух странах «был более тесно и позитивно связан с национализмом, чем где-либо в Центрально-Восточной Европе» [7, р. 96]. В-третьих, экономическая политика в Болгарии и Румынии оказалась менее гибкой и менее восприимчивой к проектам реформ, чем в государствах Центрально-Восточной Европы. Добавим, что в правовой сфере Конституции Болгарии и Румынии периода социализма четко отражали господствовавшую идеологию, носили программный характер, содержали обширные ссылки на социальные права, но имели двойственную природу. С одной стороны, закон мог использоваться для осуществления террора, но, с другой стороны, он мог быть использован как инструмент для достижения социального благополучия. Однако в любом случае отсутствовали гарантии применения социалистической законности, поскольку реальный текст Конституции не являлся основой для вынесения судебных решений или иных форм юридических документов, но был, скорее,

открыт для интерпретации партийной номенклатурой, которая и обеспечивала окончательное прочтение конституционных принципов.

Вместе с тем общей особенностью данных стран после 1989 года, отличавшей их от стран Центрально-Восточной Европы, была слабая приверженность идее «самоограничивающейся революции», т.е. идее о том, что системные изменения должны проходить в рамках существующих конституционно-правовых норм. Особенно это проявилось в Румынии, где трансформация происходила не посредством переговоров, но где политическая власть перешла ко второму эшелону коммунистической партии, а процесс создания новой Конституции определялся спешно созданным Фронтом национального спасения. Это привело к высокой степени преемственности элит и минимальным изменениям в правовой культуре, затруднившим создание системы верховенства права.

Начало 1990-х годов ознаменовалось принятием в Болгарии и Румынии новых Конституций, закрепивших западноевропейские институты и ценности, в частности, независимость судебной власти и новую структуру судебной системы. Несмотря на предпринимаемые шаги по реформированию правовых институтов, многие из них носили преимущественно декларативный характер и в большей степени так и остались «на бумаге». Как подчеркивают некоторые исследователи, первоначальные усилия по реорганизации судебных институтов в странах Юго-Восточной Европы были во многом обусловлены стремлением обеспечить независимость судебной власти для предотвращения антикоммунистических судебных процессов [44, р. 63]. Например, в Болгарии спешка, с которой в 1991 году была принята Конституция, объясняется стратегией выживания бывшей коммунистической номенклатуры, прошедшей ребрендинг. Спешное принятие Конституции также должно было послужить свидетельством решительного отказа от наследия предыдущего исторического периода, в том числе широко осознаваемой в обществе слабости и зависимости судей. Более того, в общественном мнении судьи рассматривались как часть прежнего режима [34, р. 222]. Институционализация независимости судей защищала и самих судей от давления со стороны общества, что служило некоторой гарантией того, что они не будут поддерживать призывы к антикоммунистическим процессам.

Во второй половине 1990-х годов, в свете перспективы вступления в Европейский союз, страны-кандидаты столкнулись с двойной задачей: с одной стороны, с необходимостью преодолеть наследие социалистической правовой системы, с другой — адаптировать судебный и административный аппарат к требованиям ЕС. Уже в этом контексте приоритет был отдан принятию законов, направленных на обеспечение принципа независимости судебной власти как элемента системы верховенства права. Позднейшие реформы, инициированные процессом европейской интеграции, включали дополнительную задачу — наделить судебные органы институциональной способностью обеспечивать соблюдение свода законов ЕС (*acquis communautaire*), особенно в случаях конфликта европейских норм с национальным законодательством. Действительно, в своем нынешнем виде ЕС существует благодаря судебным решениям как внутренних, так и наднациональных судов. Однако расширение ЕС на восток поставило под угрозу этот интеграционный механизм, поскольку судьи в постсоциалистических странах, привыкшие к подчинению партийно-государственному аппарату, зачастую не обладали необходимой личной и институциональной автономией. Отсутствие такой автономии препятствовало эффективной защите наднациональных правовых норм в случае их противоречия внутреннему законодательству.

В связи с этим разработчики дорожной карты реформирования правовых институтов сосредоточили усилия на расширении возможностей судебной власти в странах Восточной Европы, обеспечивая ее институциональную автономию. Эта автономия, по их мнению, должна выражаться как в изоляции судебной системы от вмешательства со стороны выборных ветвей власти, так и в делегировании судебным органам полномочий по самоуправлению. Однако Европейская комиссия придерживалась общего и зачастую расплывчатого подхода, рекомендуя странам-кандидатам ввести органы судебного самоуправления, призывая к невмешательству других ветвей власти в судебную систему, а также призывая к независимой подготовке судей, независимой системе назначения и модернизации администрирования с использованием современных технологий и менеджмента. Вместе с тем необходимо учитывать, что ЕС выступал, скорее, в качестве катализатора реформ, осуществлять которые были призваны местные элиты.

В научной литературе, ориентированной на выявление внутренних детерминант продвижения или затягивания реформ, особое внимание уделяется анализу политических элит и распределению власти между национальными акторами с их разнообразными интересами [31]. Опираясь в том числе и на результаты этих исследований, можно выделить два фактора, оказавших существенное влияние на процесс реформирования судебной системы в Болгарии и Румынии. Во-первых, это роль «агентов изменений» [22], оказывающих давление на лиц, принимающих политически значимые решения с целью продвижения международных норм и пересмотра существующих приоритетов [31]. Во-вторых, значительную роль играли противники реформ, обладавшие существенным влиянием в процессе принятия решений, чье согласие было необходимо для изменения статус-кво [47]. Применение неоинституционального подхода [32] позволяет сделать вывод о том, что действия национальных элитных групп в ответ на требования Европейского союза обусловлены их рациональными расчетами затрат и выгод, связанных с принятием европейских норм и правил. Например, в 2010 и 2011 годах давление со стороны Европейской комиссии и угроза задержки вступления в Шенгенское соглашение вновь активизировали реформы в Румынии, поскольку политическая элита понимала, что общественное мнение воспринимало Шенгенский вопрос как ключевой и что вступление в Шенгенскую зону — это то, чего хотели избиратели [42].

В результате, реформирование судебной системы в странах Юго-Восточной Европы приобрело форму циклических реструктуризаций, инициируемых каждым новым правительством. Под предлогом обеспечения независимости судебной власти и повышения ее эффективности эти реформы зачастую использовались как инструмент кадровой политики, направленный на устранение «неудобных» судей. В отличие от других сфер, где кадровые изменения происходили напрямую, в судебной системе, учитывая институциональную несменяемость судей, подобные процессы реализовывались косвенно — через давление со стороны председателей судов, фабрикацию дисциплинарных дел и отказ политизированного Высшего совета судей содействовать профессиональному продвижению конкретных судей.

Динамика смены правительств сопровождалась разрывом преемственности в курсе реформ, что проявлялось в отсутствии системности и последовательности как на процессуальном, так и на организационном, профессиональном и техническом уровнях. Например, изменения в процессуальных кодексах часто не синхронизировались со структурными преобразованиями судебной системы в целом, что снижало их практическую эффективность. Несмотря на реформы, проводимые каждые три-четыре года, а также многочисленные поправки к местному законодательству и изменения процессуальных кодексов, многие из этих инициатив не оказали существенного влияния на повседневную судебную практику. Судебные организации сохраняли устоявшиеся при прежнем режиме модели функционирования, что свидетельствует о ригидности доминирующих акторов в судебной системе. Кроме того, в условиях перманентных реформ рядовые судьи утратили доверие к меняющимся правилам, воспринимая их как временные и второстепенные. Этот феномен коррелирует с одной из теоретических моделей европеизации, согласно которой чрезмерное «адаптивное давление» со стороны носителей европейских норм вызывает в стране-реципиенте сопротивление и приводит к формальным, а не содержательным изменениям.

Широкий массив эмпирических исследований [12; 26; 43] также свидетельствует о том, что в тех сферах общественной жизни, где наблюдалось существенное расхождение между нормативными моделями, продвигаемыми международными экспертами, и устоявшимися обычаями и интересами влиятельных национальных акторов, властные элиты демонстрировали высокую степень адаптивности и изобретательности в реализации стратегий сопротивления и обхода реформ. Наиболее распространенной выступала стратегия пассивного сопротивления, заключавшаяся в том, что реформы, предписанные международными институтами, принимались на законодательном уровне, в то время как их реальная имплементация в повседневную юридическую практику оказывалась минимальной или номинальной. В этом контексте традиция политического патронажа сохраняла свою роль доминирующего структурного фактора, определявшего профессиональное поведение судей и административных кадров в судебной системе стран Юго-Восточной Европы, проявляясь с большей интен-

сивностью, чем в посткоммунистических странах первой волны расширения ЕС. Такой феномен отражал сложное взаимодействие между внешним институциональным давлением и внутренними социально-политическими структурами и культурными паттернами, что существенно усложняло процесс подлинной судебной реформы и укрепления системы верховенства права.

Вместе с тем динамика властных отношений, в том числе и внутри юридического поля [3, с. 75–128; 4], не оставалась статичной. Наряду с консервативными группами постепенно возникали «группы содействия», ориентированные на интеграцию международных стандартов и готовые продвигать реформы. В их числе: судьи низшего и среднего звена, заинтересованные в профессионализации и переходе к меритократическим принципам карьерного роста. Баланс между этими противоположными тенденциями — персонализацией и институционализацией, клиентелизмом и профессионализмом, рентоориентированностью и эффективностью — варьировался в зависимости от конкретных сегментов судебной системы (суды, прокуратура, службы уголовного розыска), уровня инстанции (первая инстанция, апелляция, верховный суд) и географического положения. При этом особое значение приобрело различие между столичными судами и судами в провинции, где влияние местных элит и традиционных социальных связей более выражено, а также между судьями и прокурорами, последние из которых демонстрировали более высокий уровень коррупционной практики.

АГЕНТЫ ПЕРЕМЕН И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Значительное влияние на изменение баланса сил внутри юридического поля посредством укрепления групп содействия реформам оказало наличие по крайней мере двух крупных внешних агентов перемен — европейских и американских институций. На первый взгляд, основным инициатором и регулятором изменений выступала Европейская комиссия. Посредством угроз приостановки или прекращения европейской финансовой помощи, а также регулярных «Отчетов о прогрессе» Болгарии и Румынии в контексте интеграции

в ЕС Комиссия оказывала давление на правительства этих стран с целью стимулировать реформы. Особое значение имел учрежденный в 2006 году «Механизм сотрудничества и верификации», призванный контролировать профессионализм судей и соответствие их поведения этическим стандартам после вступления стран в ЕС.

Однако, несмотря на формальную роль европейских институтов, их возможности по предписанию конкретных мер оставались ограниченными, поскольку организация судебной системы входит в исключительную компетенцию национальных государств. Европейская комиссия, опираясь на рекомендации Совета Европы и практику Европейского суда по правам человека, продвигала общие принципы — независимость правосудия, верховенство права, доступность судов, справедливость процесса, а также модернизацию организационных процедур. Эти принципы предоставляли широкое пространство для национальной интерпретации и адаптации, что отражает сложность трансфера норм и стандартов в контексте национальных правовых традиций [20].

Примечательно, что реальное влияние на процессы реформирования часто принадлежало не столько европейским, сколько американским организациям и экспертам, связанным с USAID и Всемирным банком [25]. Эти акторы предоставляли не только материальные и финансовые ресурсы, но и специализированные знания, опыт применения международных стандартов и навыки в области организационного развития, включая создание профессиональных ассоциаций, лоббирование корпоративных интересов и установление коммуникации с общественностью. Их стратегия была ориентирована на конкретные изменения в повседневных рабочих процессах судебных органов, особенно в регионах, что отличало их подход от европейского, нацеленного на институциональную централизацию и укрепление полномочий Высшего совета судей. Данное различие в подходах отражает не только особенности национальных — континентальной и североамериканской — традиций оказания профессиональной поддержки, но и фундаментальные различия в правовых системах и моделях профессионализации. Несмотря на это, европейские и американские стратегии оказались скорее взаимодополняющими, чем конкурирующими, часто взаимодействуя в таких инициативах, как

внедрение рекрутинга на основе конкурсного отбора и системы подготовки судей.

Ключевым элементом экспортных стратегий стало продвижение реформаторов на ключевые позиции внутри судебной системы. С этой целью внешние акторы поддерживали внутренних «агентов перемен» или «институты-посредники» посредством символического признания, передачи знаний и материальной поддержки, включая финансирование и направление экспертов [16]. Эти меры были направлены на формирование и мобилизацию коалиций поддержки реформ, а также на оказание давления на группы, сопротивляющиеся изменениям. В контексте судебных реформ такие коалиции объединяли как уже упоминавшихся представителей судебного аппарата, так и находящихся на его периферии адвокатов, нотариусов, судебных экспертов, либерально настроенных журналистов и политиков, что подчеркивает социальную природу институциональных трансформаций.

Современные исследования все больше фокусируются на роли транснациональных юридических и судейских сообществ в качестве «внешних агентов изменений», способствующих внедрению моделей управления, основанных на ценностях Европейского союза, и защищающих принципы верховенства права [15; 39]. Например, отмечается, что тот факт, что в Болгарии национальные судьи начали искать наднациональную «точку опоры» для легитимации или вдохновения позже, чем в центрально-восточных странах, может служить объяснением их ограниченной возможности действовать в качестве институционально заинтересованной стороны в процессе реформ. В Румынии, хотя многие судьи активно участвовали в наднациональных сетях, создание различных Ассоциаций судей, дифференцированных по территориальной принадлежности, негативно сказывалось на эффективности их действий как единого субъекта. В целом, Румыния рассматривается в качестве парадигматического примера [14; 38; 40], иллюстрирующего, как влияние Европейского союза на судебные реформы может быть существенно усилено благодаря наличию агентов изменений или, напротив, нейтрализовано действиями акторов, обладающих правом вето. В частности, в период с 2005 по 2007 год министр юстиции М. Маковой очевидно выступала в роли агента перемен, подтверждая гипотезу о важности процесса социализации

политических и/или профессиональных деятелей в рамках эпистемических сообществ или международных сетей [12; 22]. Однако министр, успешно выполнявшая функцию связующего звена с международными институтами, сохраняла свою позицию лишь до тех пор, пока ее деятельность воспринималась как полезная для достижения цели вступления в ЕС. Отстранение от должности последовало сразу после ослабления международного контроля [40].

Вместе с тем наиболее значимое влияние на ход судебной реформы в Румынии в преддверии вступления в ЕС оказало наличие акторов с правом вето — членов Высшего совета магистратов, Высшего кассационного суда и Конституционного суда. В ходе ожесточенного конфликта, связанного с отдельными аспектами судебной политики, в частности с ограничениями, наложенными на привилегии судей высших инстанций и на состав Высшего совета магистратов, противники реформ стремились сохранить сложившийся баланс властных отношений в судебной системе, поддерживая альянс с представителями «старой гвардии» посткоммунистических партий [37]. Неспособность судей быть независимым субъектом, действующим в качестве противовеса в рамках политики судебной реформы, было проявлением структурных ограничений, связанных с наследием предыдущего исторического периода [24]. Наследие режима Чаушеску в судебной системе было мощным и глубоким, поскольку его контроль над судебной властью был тотальным, как и в других сферах государственного управления [18]. Поведение судей высших судов стало следствием незавершенного разрыва в судебной и административной системах, продолжавших демонстрировать многие характерные черты, присущие им во времена режима Чаушеску, и особенно их представление о роли судьи.

В целом Конституционный суд, Высший кассационный суд и Высший совет магистратов служат наиболее репрезентативными примерами институциональной преемственности предшествующему политическому режиму. Кадровый состав этих органов в значительной степени сохранил преемственность, поскольку многие судьи, занимавшие должности в период правления Чаушеску и в последующее десятилетие, сохранили свои позиции. Значительная часть этих назначений осуществлялась непосредственно представителями прежней политической номенклатуры [18]. По мнению исследователей, блокирование

многочисленных инициатив по судебной реформе на основании их предполагаемой неконституционности свидетельствует о проблеме государственного захвата клиентелистскими сетями элит. Данные сети, унаследованные от предыдущего исторического периода, продолжали оказывать влияние на политические процессы в Румынии. Это наследие включало устойчивые неформальные структуры, в частности плотные взаимосвязи между высшими судебными инстанциями и политическими акторами [28], существенно ограничивавшие институциональный потенциал и подрывавшие государственный суверенитет.

Таким образом, анализ реформ судебной системы Болгарии и Румынии выявляет сложное взаимодействие различных внешних и внутренних акторов, стратегий и нормативных рамок. Пример этих стран служит важной иллюстрацией многоуровневого и многоаспектного процесса социальных изменений в постсоциалистических обществах, демонстрируя, как международное воздействие адаптируется и трансформируется в национальном контексте.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕФОРМАМ И ВОСПРОИЗВОДСТВО КЛИЕНТЕЛИСТСКИХ ПРАКТИК В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Поскольку государственный социализм характеризовался ограниченной потребностью в праве как самостоятельном регуляторе общественных отношений, в Болгарии и Румынии, как и в других восточно-европейских странах, юридическое образование отличалось выраженной односторонностью. В соответствии с доминирующими идеологическими установками и практическими задачами была сформирована юридическая профессия, ориентированная на инструментальное понимание права, и описательно-буквалистский подход к изучению и применению нормативных актов. В результате, как и в СССР, формальное юридическое образование не превратило акторов правовой системы «в приверженцев правовой этики и не заставило их самоидентифицироваться в качестве юристов, а не чиновников» [5, с. 337].

Хотя исследователи расходятся в оценках распространенности и интенсивности в странах Юго-Восточной Европы грубых форм

вмешательства в судебные решения (таких как «телефонное право» или давление со стороны местных властей), они разделяют мнение о существенной эффективности партийного контроля над судами в период реального социализма [35]. Такая специфика обусловила формирование устойчивых юридических привычек и моделей поведения, которые в 1990-е и 2000-е годы создали значительные трудности, в частности при имплементации европейского права, реализация которого напрямую зависела от компетентности и независимости национальных судебных органов. В результате большинство судей посткоммунистических стран склонны проявлять нерешительность в ситуациях, когда нормы права не позволяют однозначно разрешить конкретное дело, что отражает структурные ограничения и культурные особенности юридической практики. Кроме того, как свидетельствуют результаты исследований, в восточно-европейских странах (в частности, в Болгарии) сохранялась и воспроизводилась готовность судей содействовать стороне обвинения [46]. Отмечается, что в целом болгарские юристы скорее тяготеют к излишнему консерватизму [29], выражая неприятие перемен.

В этом контексте релевантным представляется концептуальный вклад С. Коткина и М. Бейсинджера [30], предлагающих рассматривать наследие коммунизма не как однородный феномен, а как результат сложного и динамичного взаимодействия исторического опыта с новыми социально-экономическими реалиями. Их методологический подход, ориентированный на выявление множественности форм проявления наследия и причинно-следственных связей между прошлым и настоящим, позволяет более глубоко понять разнообразие постсоциалистических траекторий. Кроме того, акцент на сохранении докоммунистических видов наследия — российских имперских, габсбургских, османских — способствует интеграции данного подхода в рамки теории множественных модерностей, которая признает вариативность и многомерность процессов социокультурных изменений. Такой эмпирически обоснованный и теоретически гибкий подход предоставляет ценную перспективу для понимания сложной природы и многообразия институциональных и культурных трансформаций в странах Восточной Европы после социализма. Согласно классификации, предложенной Коткиным и Бейсинджером, в числе форм исто-

рического наследия можно выделить «культурные схемы» — устойчивые способы мышления и поведения, сформировавшиеся в ходе социализации при прежнем политическом порядке и сохраняющиеся длительное время после макрополитического разрыва. Эти схемы являются продуктом особого опыта формальной и неформальной социализации, сохраняющегося после разрыва и воспроизводящегося в следующих поколениях. Авторы справедливо отмечают, что такие культурные схемы можно рассматривать как «своего рода “чувство игры”», которое, по П. Бурдьё [3], связано с понятием габитуса — внутренней структурой восприятия и предвосхищения действий других, основанной на личном и историческом опыте [30, р. 15].

Сохранению и воспроизводству сложившихся структур восприятия во многом способствовала система юридического образования, в период транзита сохранявшая отчетливые черты социалистического наследия. В частности, еще в начале нулевых продолжали обучать и учиться по учебникам, изданным при социализме, и содержащим критические замечания по отношению к буржуазному праву, также как и само разделение права на буржуазное и социалистическое [44]. Добавим также, что представители старшего поколения юристов, в том числе и судьи, формировавшиеся в предыдущий исторический период, в целом сохранив свои позиции, передавали новому поколению «проверенные временем» практики и паттерны профессионального поведения.

Как следствие, одним из ключевых препятствий в процессе внедрения транснациональных моделей судебной реформы в странах Юго-Восточной Европы оказалось устойчивое сопротивление со стороны местных властных акторов, интересы и позиции которых оказывались под угрозой в результате предписанных европейскими институциями изменений [45]. Внутри судебной системы сопротивление было особенно выражено у таких подгрупп, как прокуроры, председатели судов и судьи высших инстанций. Поскольку у многих из них карьерная траектория выстраивалась еще при социализме, они в большей степени были склонны поддерживать неформальные сети взаимных обязательств и лояльности, переплетающиеся с семейными, дружескими и партийными связями [11]. Эти сети функционировали как механизм воспроизводства институциональной власти и экономических выгод,

обеспечивая продвижение по службе, доступ к государственным и международным ресурсам, а также расширение возможностей для личного обогащения. В таком контексте практика фаворитизма, клиентелизма, nepотизма и коррупции оставалась неотъемлемой частью повседневного управления судебными органами. Соответственно, реформы, направленные на ограничение этих практик и перераспределение властных полномочий, воспринимались как угроза статус-кво, что и порождало активное сопротивление.

В частности, председатели судов противостояли изменениям, направленным на повышение прозрачности принятия решений, например через публикацию мотивировочной части судебных решений. Кроме того, председатели судов затягивали внедрение управленческих инструментов, призванных минимизировать персонализацию решений, таких как система случайного распределения дел между магистратами, использование статистических показателей профессиональной деятельности и психологических тестов при приеме на работу. Они также откладывали реализацию мер, способствующих ускорению судебных процедур, поскольку стремились сохранить возможность извлекать выгоду из ускоренного разрешения или, напротив, закрытия дел [13]. Конечно, председатели судов, прежде всего, стремились сохранить контроль в вопросах рекрутинга и продвижения судей.

До реформ начала 2000-х годов назначение на должности в судебной системе Болгарии и Румынии осуществлялось среди лиц с высшим юридическим образованием, прошедших последипломную стажировку и получивших лицензию на юридическую практику. Специализированной подготовки для судей не существовало, равно как и единых критериев отбора в зависимости от должности и национальной кадровой политики. Прямое назначение было возможно при наличии стажа в любой юридической профессии, однако для судов второй и третьей инстанции требовался опыт работы мировым судьей. Формально назначения утверждал Высший совет судей в Болгарии (ВСС) или Высший совет магистратов (ВМС) в Румынии. Однако фактически председатель суда контролировал открытие вакансий и отбор кандидатов, поскольку Высшие советы в обеих странах не обладали в том числе и кадровыми ресурсами для проверки профессиональных качеств кандидатов [16].

Под давлением международных институций принятый в Болгарии в 2002 году Закон о судебной системе ввел конкурсные экзамены как единственный способ поступления в судебную систему, предусматривая два конкурса: для младших судей и прокуроров и для прямого назначения на другие должности. Однако второй конкурс не применялся из-за отсутствия нормативной базы. Внутренние кандидаты, прошедшие обучение в Национальном институте юстиции (НИЮ), получали приоритет. Обязательная начальная подготовка длилась один год (позже была сокращена до шести месяцев), и только успешно завершившие ее могли быть рекомендованы ВСС [44]. Данная система, вдохновленная французской моделью и поддержанная международными организациями, была внедрена с целью повышения профессионализма судей.

Тем не менее председатели судов сопротивлялись утрате контроля над набором, поскольку он служил инструментом формирования личных и корпоративных связей, позволяя устраивать родственников и приближенных на должности, что усиливало клиентелизм. Используя стратегию внесения поправок в закон, в 2004 году удалось ограничить конкурс только низшими должностями. При этом внешние кандидаты на более высокие посты назначались без экзаменов и подготовки, что восстановило прежние практики и подорвало карьерные перспективы кандидатов, проходящих конкурс. Протесты судей против таких назначений вкупе с европейским давлением перед вступлением в ЕС, привели к изменениям в 2007 году закона о судебной системе: конкурсные экзамены стали обязательными для всех первичных назначений, а внешние наборы ограничены двадцатью процентами вакансий с обязательным конкурсом и широким оповещением о его проведении [17]. Таким образом контроль председателей судов над набором был ослаблен.

Процедура оценки и продвижения судей также находилась в исключительной компетенции председателей судов, чьи субъективные суждения определяли карьерные перспективы подчиненных. Критерии отбора носили размытый и неоднородный характер: наряду с объективными параметрами — стажем и профессиональными заслугами — учитывались личные и семейные связи, лояльность к руководству, а также принадлежность к местным элитам и политическим группам.

Такая практика порождала систему «закрытого доступа», где продвижение по службе зачастую зависело не от профессионализма, а от наличия «правильных» связей и поддержки влиятельных покровителей. Кроме того, например, в Болгарии ВСС, хотя и являлся формальным органом утверждения кадровых назначений, не обладал четкими критериями оценки и не был обязан публично обосновывать свои решения, что усугубляло проблему непрозрачности и снижало доверие к данному институту. В результате этого наблюдался не только институциональный дефицит подотчетности, но и происходило формирование замкнутого круга элит, способных контролировать судебную систему в своих собственных интересах.

Высокопоставленные судьи, обеспокоенные международным вмешательством, находили значительную поддержку у разделявших их стремление к сохранению «национальной правовой традиции» профессоров права и некоторых юристов, ставших политиками. В Болгарии эта оппозиция международным актам часто опиралась на Конституционный суд, демонстрировавший меньшую восприимчивость к международному давлению по сравнению с парламентом или правительством. Сопrotивление поддерживалось также Высшим советом судей, Высшим кассационным судом и Высшим административным судом, где доминировали бывшие председатели судов, ставившие корпоративные интересы выше иных соображений. Аналогичную позицию занимали юристы, извлекавшие выгоду из своего положения посредников в коррупционных схемах между участниками судебных процессов и судьями.

Реформы начала 2000-х годов, предусматривавшие вовлечение Министерства юстиции и ВСС в управление карьерой судей, формально ориентировались на стандарты европейской интеграции и повышение прозрачности процедур. В частности, создание в 2002 году Комиссии по выдвижению и оценке кандидатур должно было обеспечить объективную экспертизу и повысить качество кадровых решений [13]. Однако на практике эти изменения не привели к существенному изменению ситуации. Местные комиссии, формально оценивающие кандидатов, систематически выставляли максимально высокие оценки, что нивелировало контроль со стороны ВСС и сохраняло прежнюю модель продвижения.

Вместе с тем административные руководители судов продолжали назначаться без объективного анализа компетентности и профессиональной честности, что негативно сказывалось на эффективности и легитимности судебной власти. Ситуация усугубилась в конце 2000-х годов серией коррупционных скандалов, связанных с торговлей влиянием и лоббизмом при назначениях на ключевые должности [17]. В ходе общественных расследований было выявлено, что многие кандидаты, продвигаемые в судебной иерархии, обладали минимальным управленческим опытом, а их карьерный рост был обусловлен связями с политическими и корпоративными группами интересов. При этом попытки профессиональных ассоциаций судей критиковать подобные практики нередко приводили к необоснованным дисциплинарным преследованиям, что свидетельствует о глубокой системной проблеме.

Исследования румынской судебной системы [28] также продемонстрировали, что часть судебной элиты страны активно противодействовала реформам, направленным на усиление дисциплинарной ответственности судей и прокуроров. Полученные результаты позволяют заключить, что юридическая элита воспринимала эти меры как посягательство на профессиональную независимость и автономию. Другие исследователи [39] выявили связь сопротивления реформам с сильными институциональными традициями и устойчивыми сетями влияния внутри судебной системы, препятствующими внешнему контролю и вмешательству. В свою очередь, анализ, проведенный А. Хипер [27], раскрыл используемые судебной элитой дискурсивные стратегии, оправдывающие сохранение статус-кво через апелляцию к «независимости суда» и «профессиональной этике», что послужило инструментом сопротивления реформам.

Реформаторские инициативы начала 2000-х годов, несмотря на формальное соответствие европейским стандартам, не смогли кардинально изменить сложившуюся ситуацию. Сопротивление со стороны влиятельных групп судебной элиты и недостаточная институциональная поддержка препятствовали внедрению эффективных механизмов оценки и подотчетности судей, что сохраняло структурные дисфункции и ограничивало развитие профессионализма. В целом анализ судебной кадровой системы Болгарии и Румынии демонстрирует

рует обусловленность сопротивления юридической элиты реформам судебной системы не только материальными интересами, но и институциональной инерцией, дискурсивным господством и социальной репродукцией клиентелистских практик, которые оказывают длительное влияние на качество и независимость судебной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования посткоммунистических преобразований в Юго-Восточной Европе в основном опирались на ранние версии теории модернизации, которая утверждала, что переход к демократическим политическим институтам и верховенству права — это линейный процесс, ведущий к заранее определенному результату. Однако трансформационные процессы в этом регионе оказались более сложными. Очевидно, что необходимо использовать новые подходы к изучению посткоммунистических обществ Юго-Восточной Европы. В отличие от теории модернизации, теория множественных модерностей позволяет учесть особенности траекторий развития разных стран и различные формы их исторического наследия, а также влияние внешних акторов на конкретное общество.

Проведенный анализ судебных реформ в Болгарии и Румынии в контексте европейской интеграции выявляет сложный и многогранный характер трансформационных процессов, обусловленных сочетанием внешнего давления со стороны Европейского союза и внутренних факторов. Несмотря на необходимость адаптации национальных правовых систем к стандартам ЕС, реформы сталкивались с серьезным сопротивлением юридической элиты, связанным как с наследием социалистического прошлого, так и с устойчивыми клиентелистскими практиками, сохранявшимися в судебной среде. Ключевым препятствием для успешного проведения реформ выступали институциональная инерция, преемственность кадров и культурные схемы поведения, сформировавшиеся в эпоху государственного социализма, которые продолжали в значительной степени определять модели профессионального взаимодействия внутри судебной системы. В частности, доминирование политического патронажа и сетей взаимных обязательств препятствовало формированию меритократических принципов рекрутинга, оценки и продвижения судей, что

снижало эффективность нововведений и углубляло кризис легитимности судебной власти.

Соппротивление включало в себя несколько взаимосвязанных стратегий. Во-первых, представители судебной элиты использовали институциональные ресурсы для сохранения и укрепления существующих структур власти. Председатели судов контролировали кадровые назначения и продвижение судей, предпочитая поддерживать коллег, лояльных к кластеру практик и клиентелистским сетям, что препятствовало внедрению стандартов Европейского союза. Во-вторых, элита активно конструировала и легитимизировала «профессиональные» культурные нормы, основанные на традициях предыдущих исторических периодов, включавшие неписанные правила лояльности, взаимных обязательств и политического влияния. Это формировало устойчивый когнитивный барьер для восприятия и внедрения принципов открытости и независимости судебной власти. В-третьих, фундаментальным инструментом сопротивления служила мобилизация административных и процедурных механизмов для затягивания или блокирования реформ — например, создание бюрократических преград, инициирование процедурных споров вокруг изменений в законодательстве, а также использование судебных решений для оспаривания соответствующих нормативных актов. Наконец, председатели судов и судьи высших инстанций поддерживали корпоративные альянсы с политическими структурами и другими заинтересованными группами, что дополнительно усиливало их влияние и расширяло возможности противодействия внешнему давлению со стороны Европейского союза и международных организаций. Таким образом, стратегии сопротивления юридической элиты представляли собой комплекс институциональных, культурных и политических практик, которые обуславливали инерцию судебных систем и значительно усложняли процесс имплементации европейских стандартов.

Роль внешних акторов, в первую очередь Европейской комиссии, была значительной в качестве катализатора реформ, однако влияние оказалось ограниченным рамками национального суверенитета и особенностями институциональной конструкции судебных систем. Комплементарную функцию выполняли международные организа-

ции и американские структуры, которые обеспечивали практическую поддержку и способствовали становлению профессиональных сообществ реформаторов. Тем не менее без внутренней политической воли и мобилизации агентов перемен внедрение европейских стандартов оставалось фрагментарным и зачастую номинальным.

Процесс судебной реформы в Болгарии и Румынии иллюстрирует наличие множественности модернизационных траекторий, зависящих от историко-культурного контекста, взаимодействия локальных и глобальных акторов, а также баланса сил внутри юридического поля. Несмотря на предпринимаемые реформы, судебные кадровые системы Болгарии и Румынии продолжают сталкиваться с вызовами, связанными с клиентелизмом, недостатком прозрачности и политическим вмешательством. Для преодоления существующих барьеров необходим комплексный подход, включающий институциональные изменения, повышение прозрачности кадровых процедур и трансформацию профессиональной культуры судей. Вместе с тем рост иллиберализма в странах Центрально-Восточной Европы, таких как Венгрия, свидетельствует о том, что ситуация в Болгарии и Румынии отражала некоторые более общие тенденции в посткоммунистических государствах, связанные с патологическими ошибками при проведении реформ и выборе способов их осуществления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** ev_maslovskaya@mail.ru.

Research Article

ELENA V. MASLOVSKAYA¹

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

THE JURIDICAL ELITE IN BULGARIA AND ROMANIA: RESISTANCE TO REFORMS AND CHALLENGES OF EUROPEAN INTEGRATION

Abstract. The article considers the mechanisms of resistance of the juridical elite to judicial reforms in Bulgaria and Romania since the beginning of the 1990s. The study presents an analysis of the historical context and the development of judicial systems of both countries during the transition period and after their accession to the European Union. The key groups of the juridical elite and their influence on the process of reforming are singled out. An emphasis is made on a systemic study of the national level in the context of strategies and tactics of representatives of the elite groups within and outside the judicial system in the process of sectoral reforms accompanying the European integration. Special attention is devoted to the role of chairpersons of the courts and judges of the higher courts who resisted to implementation of reforms through institutional resources, control over recruitment policy and formation of the professional culture. The article analyzes the main strategies of resistance including bureaucratic and institutional barriers as well as preservation of clientelist practices caused by historical legacies of the socialist period. It is emphasized that the dominance of political patronage and networks of mutual obligations hindered the formation of meritocratic principles of recruitment, evaluation and promotion of judges decreasing the efficiency of innovations and aggravating the crisis of legitimacy of the judicial power. A conclusion has been made that the strategies of resistance of the juridical elite included a complex of institutional, cultural and political practices that caused the inertia of the judicial systems and complicated the process of implementation of European standards. The results of the study demonstrate that the effectiveness of reforms depends not only on external pressure but also on transformation of internal recruitment policy and corporate norms within the judicial system. Judicial reforms in Bulgaria and Romania illustrate the existence of multiple modernizing trajectories which depend on historical-cultural context, interaction of local and global actors as well as the balance of forces within the juridical field. The article contributes to the development of theoretical ideas on the processes of judicial reforms in post-communist states.

Keywords: multiple modernities, judicial reform, juridical elite, EU policy, Bulgaria, Romania.

For citation: Maslovskaya E.V. The Juridical Elite in Bulgaria and Romania: Resistance to Reforms and Challenges of European Integration. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 27–61.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Maslovskaya — Doctor of Sociological Sciences, leading researcher. The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** ev_maslovskaya@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Блоккер П. Об удивительной живучести модернизационной теории / Транс. с англ. А. Захарова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 1. С. 163–174. EDN: GLENPB
Blokker P. On surprising persistence of modernization theory. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* = *An inviolable reserve. Debates on politics and culture*. 2022. No. 1. P. 163–174. (In Russ.)
2. Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 18–34. EDN: MTDUAF
Blokker P. Confrontations with modernization: Openness and closure of the other Europe. *Novoe literaturnoe obozrenie* = *New Literary Review*. 2009. No. 6 (100). P. 18–34. (In Russ.)
3. Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
Bourdieu P. Social space: Fields and practices. [Russ. ed.: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: Polya i praktiki*. Transl. from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya. 2005. 576 p.]
4. Масловская Е.В., Масловский М.В. Концепция юридического поля и современная социология права // Социология власти. 2015. № 2. С. 48–65. EDN: UAXOFR
Maslovskaya E.V., Maslovskiy M.V. The conception of juridical field and contemporary sociology of law. *Sotsiologiya vlasti* = *Sociology of power*. 2015. No. 2. P. 48–65. (In Russ.)
5. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
Solomon P. Soviet criminal justice under Stalin. [Russ. ed.: Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline*. Transl. from Eng. by L. Maksimenkov. Moscow: ROSSPEN, 2008. 464 p.]
6. Arnason J.P. Alternating modernities: The case of Czechoslovakia. *European journal of social theory*. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 435–451.
<https://doi.org/10.1177/1368431005056422>

7. Arnason J.P. Designs and destinies: Making sense of post-communism. *Thesis Eleven*. 2000. Vol. 63. No. 1. P. 89–97.
<https://doi.org/10.1177/0725513600063000008>
8. Bieber F., Ristić I. Constrained democracy: The consolidation of democracy in Yugoslav successor states. *Southeastern Europe*. 2012. Vol. 36. No. 3. P. 373–397.
<https://doi.org/10.1163/18763332-03603005>
9. Blokker P. Building democracy by legal means? The contestation of human rights and constitutionalism in East-Central Europe. *Journal of Modern European History*. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 335–351.
<https://doi.org/10.1177/1611894420925756>
10. Blokker P. Populist counter-constitutionalism, conservatism and legal fundamentalism. *European constitutional law review*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 519–543. <https://doi.org/10.1017/S157401961900035X>
11. Bobek M. Judex ex machina: institutional and mental transitions of Central and Eastern European judiciaries. *Judicial reforms in Central and Eastern European countries*. Ed. by R. Coman, J.-M. De Waele. Baden-Baden: Vanden Broele, 2007. P. 107–134.
12. Börzel T.A., Risse T. Conceptualizing the domestic impact of Europe. *The politics of Europeanization*. Ed. by K. Featherstone, C.M. Radaelli. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 57–80.
13. Coman R. 'Quo vadis' judicial reforms? The quest for judicial independence in Central and Eastern Europe. *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 6. P. 892–924. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905385>
14. Dallara C. *Democracy and judicial reforms in South-East Europe*. New York; London: Springer, 2014. 124 p.
15. Dallara C., Piana D. *Networking the rule of law. How change agents reshape the judicial governance in the EU*. Farnham: Ashgate, 2015. 196 p.
16. Delpuech T., Vassileva M. Judicial reforms as a political enterprise: American transfer entrepreneurs in post-communist Bulgaria. *Public policy transfer: Micro-dynamics and macro-effects*. Ed. by M. Hadjiisky, L.A. Pal, C. Walker. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. P. 29–50.
<https://doi.org/10.4337/9781785368042>
17. Delpuech T., Vassileva M. Transfers and learning in the framework of Bulgarian legal reforms (1990–2013). *Southeastern Europe*. 2016. Vol. 40. No. 3. P. 317–345. <https://doi.org/10.1163/18763332-04003002>
18. Demsorean A., Parvulescu S., Vetrici-Soimu B. Romania: Vetoed reforms, skewed results. *International actors, democratization and the rule of law: Anchoring democracy?* Ed. by A. Magen, L. Morlino. London: Routledge, 2009. P. 87–119.

19. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American sociological review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
20. Dimitrov G., Plachkova A. Bulgaria and Romania, twin Cinderellas in the European Union: How they contributed in a peculiar way to the change in EU policy for the promotion of democracy and the rule of law. *European Politics and Society*. 2021. Vol. 22. No. 2. P. 167–184.
<https://doi.org/10.1080/23745118.2020.1729946>
21. Elbasani A. (ed.). *European integration and transformation in the Western Balkans. Europeanization or business as usual?* Abingdon: Routledge, 2013. 232 p.
22. Finnemore M., Sikkink K. International norm dynamics and political change. *International organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 897–917.
<https://doi.org/10.1162/002081898550789>
23. Friedland R., Alford R. Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions. *The New institutionalism in organizational analysis*. Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.
24. Grabbe H. *The EU's transformative power: Europeanization through conditionality in Central and Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2006. 231 p.
25. Hammerslev O. The European Union and the United States in Eastern Europe: Two ways of exporting law, expertise and state power. *Lawyers and the rule of law in an era of globalization*. Ed. by Y. Dezalay, B.G. Garth. London: Routledge, 2011. P. 134–155.
26. Héritier A. Europeanization research East and West: A comparative assessment. *The Europeanization of Central and Eastern Europe*. Ed. by F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. P. 199–209.
27. Hipper A. *Beyond the rhetorics of compliance: Judicial reform in Romania*. New York: Springer, 2015. 269 p.
28. Iancu B. Constitutionalism in perpetual transition: the case of Romania. *The law/politics distinction in contemporary public law adjudication*. Ed. by B. Iancu. The Hague: Eleven International Publishing, 2009. P. 187–211.
29. Kalaidieva Z. The procuracy and its problems. *East European Constitutional Review*. 1999. Vol. 8. No. 1. P. 79–85.
30. Kotkin S., Beissinger M. The historical legacies of communism: An empirical agenda. *Historical legacies of communism in Russia and Eastern Europe*. Ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 1–27.
31. Magen A., Morlino L. (eds). *International actors, democratization and the rule of law: Anchoring democracy?* London: Routledge, 2009. 320 p.

32. March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering institutions: The organizational basis of politics*. New York: Free Press, 1989. 227 p.
33. Marks G. Structural policy and multilevel governance in the EC. *The state of the European Community. Vol. 2. The Maastricht debate and beyond*. Ed. by A. Cafruny, G. Rosenthal. Boulder: Lynne Rienner, 1993. P. 391–411.
34. Melone A. *Creating parliamentary government: The transition to democracy in Bulgaria*. Columbus: Ohio State University Press, 1998. 350 p.
35. Melone A.P. The struggle for judicial independence and the transition toward democracy in Bulgaria. *Communist and post-communist studies*. 1996. Vol. 29. No. 2. P. 231–243.
36. Mendelski M. The EU's pathological power: The failure of external rule of law promotion in South Eastern Europe. *Southeastern Europe*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 318–346. <https://doi.org/10.1163/18763332-03903003>
37. Mendelski M. Where does the EU make a difference? Rule of law development in the Western Balkans and beyond. *European integration and transformation in the Western Balkans. Europeanization or business as usual?* Ed. by A. Elbasani. Abingdon: Routledge, 2013. P. 101–118.
38. Mishkova D. Balkans / Southeastern Europe. *European regions and boundaries: A conceptual history*. Ed. by D. Mishkova, B. Trencsényi. New York: Berghahn Books, 2017. P. 143–165.
39. Parau C.E. Explaining governance of the judiciary in Central and Eastern Europe: External incentives, transnational elites and parliamentary inaction. *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. No. 3. P. 409–442. <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1016401>
40. Pridham G. The effects of the European Union's democratic conditionality: The case of Romania during accession. *Journal of communist studies and transition politics*. 2007. Vol. 23. No. 2. P. 233–258. <https://doi.org/10.1080/13523270701317505>
41. Putnam R.D. The prosperous community: Social capital and public life. *The American prospect*. 1993. Vol. 4. No. 13. P. 35–42.
42. Spendzharova A.B., Vachudova A.M. Catching up? Consolidating liberal democracy in Bulgaria and Romania after EU accession. *West European politics*. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 39–58. <https://doi.org/10.1080/01402382.2012.631312>
43. Schimmelfennig F., Sedelmeier U. Conceptualizing the Europeanization of Central and Eastern Europe. *The Europeanization of Central and Eastern Europe*. Ed. by F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. P. 1–28.

44. Schönfelder B. Judicial independence in Bulgaria: A tale of splendour and misery. *Europe-Asia studies*. 2005. Vol. 57. No. 1. P. 61–92.
<https://doi.org/10.1080/0966813052000314110>
45. Todorova V. The rule of law in Bulgaria: State of play and trends (after 2010). *Southeastern Europe*. 2020. Vol. 44. No. 2. P. 233–259.
46. Trochev A. How judges arrest and acquit: Soviet legacies in postcommunist criminal justice. *Historical legacies of communism in Russia and Eastern Europe*. Ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 152–178.
47. Tsebelis G. *Veto players: How political institutions work*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. 320 p.

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.3>.

EDN: QUAIBB

В.А. АЧКАСОВ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

ИЗОБРЕТЕНИЕ И РЕАНИМАЦИЯ «ЭТНОСОВ»: РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья является своего рода иллюстрацией тезиса, согласно которому в современной России этнополитика на региональном уровне воспринимается в ее самом упрощенном вульгарном варианте, т.е. как демонстрация этнокультурного многообразия региона через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций, главной заботой лидеров которых является не только сохранение культурной отличительности группы, но и конструирование / реконструирование этнических сообществ. Более того, при таком понимании этнополитики именно этнические антрепренеры и этнически ориентированные исследователи становятся главными экспертами в области государственной национальной политики, хотя их интересы связаны не с решением задач культурной и политической интеграции российского общества и укреплением общероссийской гражданской идентичности, а с сохранением и реконструкцией локальных этнических идентичностей, а также с демонстрацией культурных дистанций между этническими группами. В статье показано, что именно политика идентичности открывает широкую арену для деятельности этнических антрепренеров, которые используют доминирующие в России примордиалистские представления об универсальности и аскриптивности этничности и глубокой укорененности этнических различий в прошлом для достижения своих целей.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы воды и ижора, этнические предприниматели, институционализация этничности, этнополитика.

Для цитирования: Ачкасов В.А. Изобретение и реанимация «этносов»: роль этнических предпринимателей // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.3>. EDN: QUAIBB

ВВЕДЕНИЕ

Как свидетельствует политическая практика, государство может очень эффективно категоризировать и идентифицировать население, зачастую навязывая ему «этнические ярлыки», а затем уже «работать» с этими концептами. В свою очередь, фиксация этнических категорий в качестве официально признанных государством и их постоянное использование в управленческой практике и регистрационных документах, как правило, приводят к признанию индивидами своей принадлежности к этим институализированным этническим группам. Э. Либерман и П. Сингх выделяют следующие способы навязывания и институализации этничности, используемые государством: перепись населения, идентификационная карточка или паспорт, автономия для этнических групп в разных сферах, голосование и регулирование гражданской активности, этнические квоты или преференции, пространственное разделение людей, закон о браке, регулирование занятости и образования [16].

Однако прежде всего институциональную форму этническим категориям придает государственная практика этнического подсчета и классификации. Согласно резонному утверждению американского антрополога Д. Кертцера, «переписи, используемые правительствами для подсчета и классификации населения по этническому признаку, являются социально сконструированными, идеологически показательными и по своей сути политическими» [14]. Особенно активно к этой политической практике «изобретения и институализации этносов» прибегало советское государство. Правда, некоторые современные исследователи и российскую национальную политику называют «машинной для производства идентичностей» [6, с. 236].

Следует отметить, что государство не единственный значимый «идентификатор», и Р. Брубейкер одним из первых указал на то, что в процессе идентификации и институализации этничности значимую

роль играют элиты / этнические предприниматели [1]. Более того, благодаря усилиям этнических активистов возможна и реанимация «этносов». Исследователи уже давно продемонстрировали, что категории официальной переписи населения, особенно когда они через государственную «национальную» политику связаны с какими-либо ощутимыми выгодами, могут приводить к «собираанию народа» (А. Хоккинг), реанимации исчезающих / исчезнувших этнических групп и легитимации их существования. По крайней мере, опыт проведения переписей населения в современной России в 2002 г. (160 основных наименований национальностей, в первых вариантах Перечня национальностей их было около 200), в 2010 г. (193 национальности) и в 2020 г. (202 национальности) свидетельствует, что номенклатура «этносов» и «коренных народов» подверглась заметным изменениям. Однако речь здесь должна вестись не столько об этнических процессах слияния, разделения или исчезновения, сколько об изменении принципов классификации и степени либеральности политического режима, обеспечивающего право на свободную идентификацию граждан по этническому принципу или препятствующего его осуществлению. Тем не менее не малую роль в этих процессах играет лоббирование со стороны этнических антрепренеров / предпринимателей.

Как писал более тридцати лет назад П. Бурдьё, «власть над группой получает тот, кто может создать эту группу, внушив ее членам единое понимание своей идентичности и идентичное понимание своего единства. <...> Борьба вокруг этнической и региональной идентичности <...> — есть частный случай борьбы классификаций, борьбы за монополию <...> навязать определенный способ объяснять мир и, тем самым, создавать и разрушать группы» (Цит. по: [12, с. 271]). Согласно базовым положениям социального конструктивизма, формирование новой социальной реальности начинается с категоризации / рекатегоризации социальных объектов и объективации новых категорий в языке, а завершается их легитимацией и институализацией. Следовательно, и сами этнические группы реальны благодаря легитимации и институализации представлений людей о собственной этнической принадлежности опять же посредством дискурса.

Этничность крайне инструментальна и потому может успешно использоваться для достижения разных целей. При этом причины

поддержания и актуализации этничности носят, прежде всего, политический характер. Для обозначения такой деятельности американский исследователь А. Коэн использовал термин «ретрайбализация», понимаемый как процесс, в рамках которого этническая группа (ее элита), вовлеченная в борьбу за статус и привилегии с членами другой группы, «в рамках формальной политической системы» для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает организацию, которую использует в качестве орудия своей борьбы [15].

Как уже отмечено, ключевую роль в этих процессах играют этнические элиты (этнические предприниматели), которые ведут борьбу не за интересы группы, а за контроль над редкими ресурсами, символический / репутационный капитал и оттеснение с политического поля этнических конкурентов. Впрочем, «этнические предприниматели» не представляют собой нечто единое. Так, В.С. Малахов проводит «различие между этническими активистами двух типов — “прагматиками” и “романтиками”. Прагматики, или этнопредприниматели в строгом смысле слова («брокеры от культуры», по выражению Абнера Коэна), — это общественные деятели, использующие этничность с целью приобретения или накопления социального капитала. Романтики — это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» [4]. Однако власти чаще всего в качестве контрагентов выбирают именно прагматиков, более близких им по духу.

Этнопредпринимателями этого типа являются многие лидеры российских национально-культурных автономий (НКА), взаимодействующие с властями на правах младших партнеров, имитируя тем самым представительство интересов этнических меньшинств. В свою очередь доступ, пусть даже потенциальный, к первым лицам субъекта федерации или города открывает им лоббистские возможности. Поэтому многие главы национально-культурных организаций кооптируются из числа предпринимателей, для которых эта «общественная нагрузка» становится и средством развития собственного бизнеса. «Этнос» оборачивается патрон-клиентской сетью, наделенной символическим капиталом и административным ресурсом [6, с. 238].

Зачастую основу социальной активности лидеров национально-культурных ассоциаций в России, по утверждению В.Р. Филиппова, «составляет именно борьба за выделение материальных средств на проведение тех или иных культурных мероприятий (чаще всего это организация традиционных народных праздников или концертов фольклорных самодеятельных коллективов), а также за предоставление офисов, оргтехники и проч. В конечном счете многие «национальные» лидеры стремятся стать государственными чиновниками «по этнокультурному ведомству» [11, с. 190]. В другой работе Филиппов приводит весьма характерное высказывание руководителя Ассоциации ассирийцев Москвы Р. Биджамова: «Очень больной для всех нас вопрос — это вопрос о легитимности национально-культурных организаций. Не секрет, что большинство из них являются на самом деле своего рода группами по интересам, клубами; это квазиорганизации, которые не имеют прочных связей со своей этнической средой и зачастую возглавляются непрофессиональными, некомпетентными, амбициозными и далекими от демократических традиций лидерами» [13, с. 7–8]. Таким образом, лидеры НКА, выступающие от имени этнических сообществ (народа), не получают от отдельных представителей этих сообществ полномочий на то, чтобы представлять их интересы, или имеют полномочия, которые иногда делегированы весьма условно и лишь некоторой частью сообщества.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как представляется, в отличие от многих лидеров НКА, «борцы за права коренных малочисленных народов России» скорее относятся к категории этнических предпринимателей «романтиков». Рассмотрим в связи с этим конкретные кейсы «возрождения из пепла» коренного малочисленного народа России, осуществленного усилиями этнических активистов — «романтиков».

Описание ситуации и выявление базы для возникновения конфликта. В Кингисеппском районе Ленинградской области в начале 2000-х гг. началось строительство крупного морского порта в районе поселка Усть-Луга. Данный регион считается этнографами ареалом расселения народа водь (вожане). Однако население данного региона этнически смешанное и строительство порта, что следует особо отме-

тить, радикально меняло среду обитания всего регионального сообщества, а не только представителей народа водь. С началом реализации этого проекта стало понятно, что дальнейшее запланированное расширение территории порта может привести к уничтожению двух последних деревень проживания представителей указанной этнической группы — Лужицы и Краколя¹. Ввиду этого строительство порта начало вызывать протесты со стороны некоторых общественных организаций Ленинградской области и особенно представителей академических кругов Санкт-Петербурга, занимающихся лингвистикой и этнографией финно-угорских народов.

Формирование сторон конфликта, выявление основных спикеров, фиксация позиций сторон. Сложившаяся ситуация привела к формированию конфликтующих сторон: с одной стороны были представители администрации строящегося порта, с другой — не столько жители Лужицы и Краколя, сколько представители общественных организаций «Общество водской культуры» (зарегистрировано в ходе конфликта), «Центр коренных народов Ленинградской области», «Вепсария», «Общество води и ижоры» и академических кругов Санкт-Петербурга, причем очень часто это были одни и те же люди. Со стороны администрации порта заявления по данной проблеме делались преимущественно пресс-службой компании. Со стороны защитников водских поселений наиболее часто в медиапространстве появлялись руководитель «Общества водской культуры» Татьяна Ефимова и этнолог, руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» Ольга Конькова.

Позиция строителей порта основывалась на необходимости реализации утвержденного плана развития транспортного узла, который подразумевал строительство промзоны на территории деревни Лужицы. Активисты, жители деревни и сочувствующие им требовали от региональной администрации сохранения деревень и защиты «народа водь» от исчезновения.

Экономический интерес администрации Ленинградской области заключался в том, чтобы развитие порта продолжалось, ввиду того что

¹ Порт Усть-Луга угрожает води // Информационный центр финно-угорских народов [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://m.finugor.com/news/port-ust-luga-ugrozhaet-vodi>.

это одна из основных точек экономического роста в стратегии долгосрочного развития региона. В отмене строительства порта были заинтересованы только власти соседних государств (в первую очередь Эстонии), для которых появление нового крупного российского порта на Балтике угрожало резким снижением товарооборота в их собственных портах. Неслучайно первыми подняли вопрос об угрозе исчезновения малочисленных финно-угорских народов водь и ижора эстонские этнологи. Стоит также отметить, что проблема защиты народа водь и до, и позднее тревожила власти наших соседей, так президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес в 2014 г., через несколько лет после урегулирования конфликта, говорил о ситуации в районе Усть-Лути как о разрушающей декларацию ООН «О правах коренных народов»¹.

Динамика развития конфликтной ситуации. Более широкий резонанс проблема защиты народа водь получила после подключения к решению вопроса представителей Института языкознания РАН (2008 г.). Его директор, профессор В.В. Виноградов написал два открытых письма — в Министерство экономического развития РФ и в Правительство Ленинградской области. В них он апеллирует к статье 69 конституции РФ «О защите коренных малочисленных народов» и статье 4 ФЗ «О защите окружающей среды» и требует представителей федеральной и региональной власти принять меры по сохранению водской культуры и языка². Именно Виноградов выступил с предложением создать в районе компактного расселения малого народа специальный заповедник для защиты его культурной самобытности. Отмечалось, что чрезмерно тесный контакт с промышленной зоной порта, даже в случае сохранения деревни, серьезно навредит окружающей среде и все равно поставит представителей народа водь на грань вымирания³.

¹ Президент Эстонии: Порт Усть-Луга противоречит декларации ООН о правах коренных народов // ИА REGNUM. 24.09.2014 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1850832.html>.

² Российские власти уничтожают последние водские деревни // HYPERLINK «<https://mariuver.eu/>»MariUver. 20.01.2008 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://www.mariuver.info/rus/news/soc/2008/01/20.html>.

³ Там же.

Вскоре последовала первая реакция со стороны администрации порта. Руководитель компании Николай Иевлев сделал заявление, в котором отметил, что непосредственно территория деревни Лужицы застройке не подлежит. Он также подчеркнул: поскольку води нет в федеральном списке коренных малочисленных народов России, де-юре такого коренного малочисленного народа не существует¹. Данные высказывания вызвали крайнее возмущение и негативную реакцию у поддерживающей водь общественности, в интернете появляются катастрофические публикации типа «Российские власти уничтожают последние водские деревни» или «Порт “Усть-Луга” поможет народу водь окончательно исчезнуть» и др. В результате, центральной задачей для этнических активистов стало лоббирование включения народа водь в официальный список коренных малочисленных народов РФ. Добившись этого уже в 2008 г., защитники народа водь поменяли стратегию поведения. Как отмечала в 2009 г. руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» Ольга Конькова, ввиду того что порт «Усть-Луга» уже почти построен, имеет смысл не протестовать против его дальнейшего строительства, а искать пути взаимодействия и нахождения компромисса². Площадкой для трансляции интересов исчезающего коренного народа стал ежегодный праздник «Лужицкая складчина», который носил чисто фольклорный характер, но создавал информационный повод и возможность публично заявить о проблеме. Позже взаимодействие между сторонами конфликта продолжилось. Площадкой для переговоров стали общественные слушания по застройке территорий порта «Усть-Луга» и совместные совещания сторон.

Результаты разрешения конфликта. Тревога по поводу угрозы существованию народа водь публично демонстрировалась и в последующие годы, в том числе и за пределами Ленинградской области —

¹ Компания «Усть-Луга»: малого народа водь нет // HYPERLINK «<https://mariuver.eu/>» MariUver. 24.01.2008 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://www.mariuver.info/rus/news/soc/2008/01/24.html>.

² Порт «Усть-Луга» поможет народу водь окончательно исчезнуть // Город 812. 10.10.2014 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://www.online812.ru/2014/10/10/009/>.

в Эстонии, даже после того, как этническая группа получила официальный статус коренного малочисленного народа России и активно заработали «Центр коренных народов Ленинградской области» и «Общество води и ижоры» (ижора тоже имеет статус коренного малочисленного народа РФ). Характерно, что обе организации возглавила О.И. Конькова, признанная в результате успеха акции с получением официального статуса води, значимым экспертом в области региональной этнополитики. После нескольких лет переговоров, летом 2011 г. администрация порта окончательно установила его южную границу, оставив деревню Лужицы вне опасности¹. Таким образом одно из базовых требований стороны, защищающей водское население, было удовлетворено (однако деревня Краколье исчезла и проект специального заповедника, предлагаемый Институтом языкознания РАН, так и не был реализован). Кроме того, администрация порта (ОАО «Компания Усть-Луга») профинансировала специальные экологические программы в районе, а также издание книги главной защитницы води О.И. Коньковой [8]². В этой книге автор без обиняков заявляет: «Пусть официальные данные говорят о том, что вожан осталось менее сотни человек. На самом деле, в каждом четвертом жителе западных районов Ленинградской области течет часть древней водской крови. И если бы многие сотни тысяч современных жителей внимательно изучили историю своей семьи и взгляделись в лица своих родителей, они с радостным удивлением нашли бы в себе мощную уникальную составляющую коренных народов нашей земли (выделено мной — В.А.). Вожаками были их деды и прадеды, на водском языке разговаривали еще их бабушки. Ведь водь — один из древнейших народов Северо-Запада России, о котором говорили летописи еще в XI в. Но сотни войн и на-

¹ Южная граница порта Усть-Луга определена окончательно и не затрагивает водскую деревню Лужицы — ОАО «Компания Усть-Луга» (карта) // PortNews. 03.06.2011 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://portnews.ru/news/65803/>.

² Финансирование экологической программы УПК (Усть-Луга) за 3 месяца 2017 года выросло в 5,6 раза — до 1,96 млн руб. // PortNews. 25.04.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://portnews.ru/news/238053/>.

падений, изломы истории и политики привели к тому, что некогда сильный и известный народ в наши дни насчитывает лишь десятки человек» [2, с. 5–6].

Мало того, что О.И. Конькова определяет этническую принадлежность фактически по крови, что крайне удивительно для ученого-этнолога, позднее она уже утверждает, что вожан как и ижорцев насильственно записывали «русскими», и что «практически весь XX век был направлен на ассимиляцию народов, на принижение национального самосознания (? — В.А.)» [2, с. 68]. И это говорится о Советском Союзе, где государство всячески спонсировало этническое многообразие и поддерживало большие и малые культуры, отказавшись от гражданского «нациестроительства» в пользу поощрения многонациональности и пропаганды «дружбы народов». Как резонно отмечал по этому поводу В.А. Тишков, «нет такого региона мира, где бы в течение XX века, как это было в Советском Союзе, не исчезла ни одна малая культура, и фактически сохранилась вся культурная мозаика огромного государства, в то время как исчезали сотни малых культур в других регионах мира. И это касается не только стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и развитого европейского мира, где средств для поддержки культурного многообразия на порядок больше» [9, с. 247]. В свою очередь, по мнению внешнего эксперта — американского исследователя Терри Мартина, советское государство осуществляло политику «положительной дискриминации» («аффирмативных действий»), то есть акцентирования и сохранения любых форм национальной самобытности малых туземных народов, вместо того чтобы поощрять постепенную интеграцию с русскими или другими крупными и более развитыми народами [5]. Тем самым Т. Мартин продемонстрировал, что первыми к проведению политики мультикультурализма обратились не канадцы и американцы в 70-е гг. XX века, а большевики на 50 лет ранее, причем осуществляли ее в гораздо более радикальной форме и практически до конца существования Советского Союза.

Казалось бы, анализ данного кейса показал, что усилиями активистов гражданского общества удалось обеспечить локальному конфликту интересов широкий резонанс, вывести его обсуждение на федеральный и даже международный уровень и обеспечить его успешное разрешение. Все это, казалось бы, указывает на наличие у «третьего

сектора» Ленинградской области и Санкт-Петербурга серьезного потенциала правозащитной деятельности и урегулирования возникающих конфликтных ситуаций.

Однако если встать на позиции, заявленные в Федеральном законе «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹, то води как «коренного малочисленного народа» не существует — есть очень небольшая группа престарелых граждан, которые идентифицируют себя как води, есть небольшая группа петербургских энтузиастов, которые искренне озаботились проблемой сохранения народа води, и есть власти Ленинградской области, которые, конечно же, признали присвоенный государством статус коренного малочисленного народа води.

Однако о каком «коренном народе води» может идти речь, если в деревнях Лужицы и Краколье Кингисеппского района Ленинградской области, в районе с этнически смешанным населением, проживало в рассматриваемый период несколько старушек, именующих себя вожанками, а балтийскую кильку вожане не ловят уже лет шестьдесят-семьдесят, т.е. никто из них не занимается традиционным промысло-

¹ Федеральный закон относит к коренным малочисленным народам «народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, *сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы* (выделено мной — В.А.), насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Статья 1. URL: <https://base.garant.ru/182356/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>). Здесь есть правовая коллизия, поскольку в Едином перечне коренных малочисленных народов води присутствует (Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. N 255). URL: https://base.garant.ru/181870/#block_1000). Однако федеральный закон обладает большей юридической силой, чем постановление правительства. Именно это противоречие используется в политических целях.

вым хозяйством и не сохраняет традиционный образ жизни, что является непереносимым требованием для получения этнической группой статуса «коренного малочисленного народа России»¹.

Таким образом, парадокс ситуации состоит в том, что, с одной стороны, российское государство признало существование «коренного малочисленного народа водь», с другой, те кто идентифицируют себя как «коренной народ водь», не соответствуют требованиям ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (Ст. 1). Конечно же, существует небольшая группа граждан России, которые считают себя носителями водской идентичности, и потому, согласно базовым постулатам социального конструктивизма, водь как *национальное меньшинство* существует. Правда, из 64 вожан, зафиксированных переписью 2010 г., только четверо заявили, что знают водский язык. По данным переписи 2020 г., вожан стало несколько больше — 99 человек, причем большая их часть — горожане (69 человек), и это, как представляется, результат деятельности «Центра коренных народов Ленинградской области» и «Общества води и ижоры», возглавляемых г-жой О.И. Коньковой. Однако идентичность — категория субъективная, поэтому говорить об идентичности народа можно только в метафорическом смысле, представляя его как некое совокупное «лицо» (личность).

Еще в 2008 г. известный российский этнолог С.В. Соколовский писал: «Рациональную основу специальных мер защиты прав коренных народов можно выявить, отвечая на вопрос о специфике их ситуации по сравнению с ситуацией меньшинств. Специфика же эта заключается, прежде всего, в изначальном отказе от интеграции в современную (европейскую по своему происхождению) индустриальную цивилизацию и мировую экономику. Если специфика образа жизни меньшинств выражается в особенностях их языка, религии, или культуры (причем речь идет здесь о хорошо интегрированных в обозначенном выше смысле культурных формах — крестьянских, “фольклорных”, или

¹ Хочу поблагодарить проф. Ю.П. Шабаева за предоставленную информацию о реальном положении народов водь и ижора.

городских), то специфика образа жизни коренных народов — это специфика их форм хозяйствования, не вписывающихся в нормы и ценности доминирующего общества и противоречащих законам рыночной экономики и западной рациональности. Собственно, именно эти противоречия и обуславливают отказ от интеграции, о котором идет речь. Следовательно, *специфика защиты прав коренных народов заключается в охране их образа жизни, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств* (выделено мной — В.А.) [7, с. 67]. Далее исследователь особенно подчеркивал: «Поскольку отнюдь не все люди, причисляющие себя к коренным народам, ведут подобный образ жизни, *специфические нормы защиты прав коренных народов должны адресоваться лишь тем из них, кто вовлечен в эти виды хозяйственной деятельности, а также членам их семей, экономическое благосостояние которых поддерживается теми же ресурсами* (выделено мной — В.А.). Языковые и культурные права остальных должны защищаться общими нормами прав человека и прав меньшинств» [7, с. 68].

Поэтому фактически народ водь как «коренной малочисленный народ РФ» уже исчез, и в этом нет ничего необычного, ибо вся история человечества свидетельствует о том, что языки, культуры и народы рождаются и умирают, и, к сожалению, это естественный процесс, примеров которому можно найти достаточно, в том числе в России и в Европе. В силу этого обстоятельства нет и необходимости защищать традиционный образ жизни и формы хозяйствования, которых тоже уже нет¹. В свою очередь культурные права тех, кто продолжает причислять себя к народу водь, защищаются, как отмечено выше, общими нормами прав человека и прав меньшинств.

Не менее проблематично говорить о существовании коренного малочисленного народа ижора. И дело не в его численности, хотя она тоже невелика: в 2010 г. 229 человек называли себя ижорой, а по дан-

¹ Однако такого рода парадоксальная ситуация не уникальна. Так, В.А. Тишков в одной из своих публикаций перечисляет более десятка фактически исчезнувших народов РФ, которые де-юре имеют статус «коренных малочисленных народов».

ным переписи 2020 г. численность народа сократилась до 210 человек. Ижорская молодежь давно покинула свои деревни, отказалась от традиционного образа жизни, ижорского языка, и, самое главное, большинство из них искренне считают себя русскими, что является логическим завершением процесса культурной эволюции ижор¹. Как отмечает лингвист А.В. Крюков, наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание — «русские» («venäläiset») — первоначально представляло собой политоним (социальный маркер, указывавший на пребывание ижор вплоть до XVII в. в составе Русского государства — «Venäjä»), а в XVIII–XIX вв. конфессионим («русские» как носители православной религии, прихожане православной церкви — «venäjän kirkko»). Ижорцы, искренне считавшие себя «настоящими русскими», с XVII в. представлялись таковыми в первую очередь перед «значимыми другими» — ингерманландскими финнами-лютеранами. Вплоть до XIX–XX вв. ижорцы рассматривали себя не как этническое меньшинство, а как часть русского народа. Данное самосознание объясняет почему среди ижорцев никогда не было заметного стремления к обретению автономии. Так, они приняли крайне незначительное участие в «ингерманландской армии» Республики Северная Ингрия, существовавшей в период Гражданской войны (в 1918–1919 гг.), а в 1930-е гг. местные учителя в большинстве своем были против «ижоризации» школы (т.е. ижорской письменности и преподавания предметов в начальной школе на ижорском языке) [3]. Однако важно заметить, что сегодня «борьба за права води и ижор» приобрела совсем иной характер: ее суть состоит в реконструировании, актуализации и демонстрации их этнической отличительности². При этом автор статьи ни на минуту не сомневался в автохтонном статусе народов водь и ижора, в том, что они проживают на северо-западе России в течение многих веков.

¹ Водский и ижорский языки включены в Атлас исчезающих языков мира ЮНЕСКО.

² Позднее руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» уже добивалась от властей области запуска подготовки преподавателей водского языка в Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина. Однако было неясно: кто может учить студентов этому языку и, главное, кого те будут учить после окончания вуза?

В отличие от современных этнических антрепренеров и их «группы поддержки» (выступающих от имени води и ижоры, но не получивших мандат на это от отдельных членов этих сообществ), многие представители этих народов выбрали путь вполне сознательной культурной интеграции в русское этнокультурное сообщество. Правда, можно ведь и не замечать этого, демонстрируя заботу о сохранении «многонациональности» региона, как это случилось в Ленинградской области (пик интереса властей к этой проблеме — это начало 2010-х гг., когда этнические проблемы привлекли пристальное внимание и федеральных властей; позднее в интернете почти исчезает информация о проявлении заботы региональной власти об этих «коренных народах»), и пойти на поводу у этнических антрепренеров, которые, исходя из примордиалистских представлений об «этносе» и из вполне искренних побуждений, встали на защиту народов водь и ижора.

Как писал еще 25 лет назад С.В. Соколовский, «критика содержания отечественных понятий “коренные народы” (и “титульные этносы”) давно назрела, хотя стороны, вовлеченные в создание и воспроизводство соответствующего социального статуса — политики, ученые, законодатели и сами субъекты этих законов, быть может и не готовы к весьма радикальной точке зрения, что конституирующее этот статус понятие является “творением антропологического воображения”» [8, с. 6].

В реальности же сегодня уже есть прецеденты, когда приходилось прибегать к судебному порядку установления национальной принадлежности в связи с претензиями на местные льготы для лиц, относящих себя к коренным малочисленным народам Севера и Северо-Востока России. Таким образом появилась странная судебная практика по установлению «национальной принадлежности» лиц, желающих вступить в родовые общины народов Севера по экономическим причинам, прежде всего с целью получения угодий для рыбной ловли, морского промысла и охоты.

Если же посмотреть на зарубежный опыт такого рода, то, например, возможность участия в формировании саамских парламентов в странах Скандинавии и Финляндии определяется не в результате судебного разбирательства, призванного установить принадлежность истца к «коренному народу», а появляется у граждан этих государств тогда, когда они добровольно и в частном порядке заявят о своей при-

надлежности к саамским сообществам и проявят явное стремление к тому, чтобы быть внесенными в списки народа саами, которые одновременно являются и списками избирателей названных парламентских институтов. Другой пример такого рода — коренные аляскинцы, которые могут получать доход от эксплуатации земель на Аляске, лишь став членами ассоциации коренных аляскинцев, т.е. проявив личное желание стать членом этого этнического сообщества. Земля сообщества является общим достоянием, но доходы от нее — это уже индивидуальная рента его членов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суть этнополитики, по мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева, состоит в последовательном укреплении государственного единства, в координации усилий всех госорганов при решении экономических, социальных и культурных проблем этнических общностей, в организации их диалога с властью и позитивного межобщинного диалога, в согласовании действий всех заинтересованных сторон при решении проблем культурного развития этнических групп, в оптимизации межэтнических отношений, в предупреждении и урегулировании этнополитических и этнических конфликтов [10, с. 378].

В России же административная практика фактически закрепляет «этнос» в качестве базовой единицы социального мира. Однако этнополитика, строящаяся на признании и защите групповых прав «коренных народов или этносов», практически всегда влечет за собой произвол и неравенство, так как сам отбор привилегированных групп, равно как и определение того, кто к каким группам принадлежит, является вполне произвольным. Следствием такой политики часто является своего рода система «апартеида наоборот» или позитивной дискриминации, при которой дополнительные возможности и права людей определяются случайным в нравственном отношении фактом их этнической принадлежности, а не их реальными заслугами и насущными нуждами.

Как еще одно необходимое следствие из сказанного: любой законодательный акт, основанный на концепте коллективных прав, на деле не должен и не может обходить вниманием понятие личных прав представителей этнического и иных сообществ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ачкасов Валерий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (812) 363–64–59. **Электронная почта:** val-achkasov@yandex.ru.

Research Article

VALERY A. ACHKASOV¹

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia.

**THE INVENTION AND RESUSCITATION OF “ETHNIC GROUPS”:
THE ROLE OF ETHNIC ENTREPRENEURS**

Abstract. This article illustrates the thesis that in contemporary Russia, ethnopolitics at the regional level is perceived in its most simplified, vulgar form — that is, as a demonstration of a region's ethnocultural diversity through various folklore festivals and support for ethnic organizations whose leaders' primary concern is not only preserving the group's cultural distinctiveness but also constructing / reconstructing ethnic communities. Moreover, with this understanding of ethnopolitics, it is ethnic entrepreneurs and ethnically oriented researchers who become the leading experts in the field of state national policy, although their interests are not related to solving the problems of cultural and political integration of Russian society and strengthening a pan-Russian civic identity, but rather to the preservation and reconstruction of local ethnic identities and the demonstration of cultural distances between ethnic groups. The article demonstrates that it is identity politics that opens a broad arena for the activities of ethnic entrepreneurs who exploit the primordialist ideas of the masses about the universality and ascriptivity of ethnicity, and the deep roots of ethnic differences in the past to achieve their goals.

Keywords: indigenous peoples of Vod and Izhora, ethnic entrepreneurs, institutionalization of ethnicity, ethnopolitics.

For citation: Achkasov V.A. The invention and resuscitation of “ethnic groups”: The role of ethnic entrepreneurs. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery A. Achkasov — Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science.

Phone: +7 (812) 363–64–59. **Email:** val-achkasov@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
Brubaker R. Ethnicity without groups [Russ. ed.: *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: HSE Publ., 2012. 408 p.]
2. Конькова О.И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 252 с.
Kon'kova O.I. *Vod': Ocherki istorii i kul'tury* [Vod': Essays on history and culture]. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. 252 p. (In Russ.)
3. Крюков А.В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор. 2007. № 10. С. 320–322.
Kryukov A.V. On the ethnic self-awareness of the Ingrian Finns and Izhorians. *Nestor*. 2007. No. 10. P. 320–322. (In Russ.)
4. Малахов В.С. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. С. 185–196. EDN: UUGGGV
Malakhov V.S. Ethnicity in the big city. *Neprikosnovennyuy zapas*. 2007. No. 1. P. 185–196. (In Russ.)
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
Martin T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. [Russ. ed.: *Imperiya «polozhitel'naya deyatel'nost'»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 662 p.]
6. Силаев Н.Ю. Управлять неуправляемым: что такое национальная политика? // Политическая наука. 2017. № 4. С. 226–242. EDN: ZXXUBH
Silaev N.Yu. Governing the unmanageable: What is “the national policy”? *Politicheskaya nauka = Political science*. 2017. No. 4. P. 226–242. (In Russ.)
7. Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции / Под ред. Е.И. Филипповой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008. С. 49–70.
Sokolovskiy S.V. Korennyye narody: mezhdru integratsiyey i sokhraneniem kul'tury [Indigenous peoples: Between integration and cultural preservation]. *Etnicheskiye kategorii i statistika: debaty v Rossii i vo Frantsii* [Ethnic categories and statistics: Debates in Russia and France] / Ed. by E.I. Filippova. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 2008. P. 49–70. (In Russ.)

8. Соколовский С.В. Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 3–8. EDN: QIPJKV
Sokolovskiy S.V. Roots and crown (mysticism and metaphysics of constructing the status of “indigenous peoples”). *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic review*. 2000. No. 3. P. 3–8. (In Russ.)
9. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с. EDN: RAOEBN
Tishkov V.A. *Rekviyem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for an ethnos: Research in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)
10. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2013. 413 с.
Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologiya: Politicheskiye funktsii etnichnosti. Uchebnik dlya vuzov* [Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity. Textbook for universities]. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Moscow State University, 2013. 413 p. (In Russ.)
11. Филиппов В.Р. Кризис этнического федерализма в России // Регионы и регионализм в странах Запада и России / Ред. Бусыгина И.М., Иванов Р.Ф., Супоницкая И.М. М.: Изд. Института всеобщей истории РАН, 2001. С. 180–194.
Filippov V.R. Krizis etnicheskogo federalizma v Rossii [The crisis of ethnic federalism in Russia]. *Regiony i regionalizm v stranakh Zapada i Rossii* [Regions and regionalism in Western countries and Russia]. Ed. by Busygina I.M., Ivanov R.F., Suponitskaya I.M. Moscow: Publ. of Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 180–194. (In Russ.)
12. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформмагротех», 2010. 300 с.
Filippova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoy Frantsii* [Territories of identity in modern France]. Moscow: Federal State Scientific Institution “Rosinformagrotekh”, 2010. 300 p. (In Russ.)
13. Этнические процессы в столичном мегаполисе / Отв. ред. В.Р. Филиппов. М.: Ин-т Африки РАН, 2008. 228 с.
Etnicheskiye protsessy v stolichnom megapolise [Ethnic processes in the capital metropolis]. Ed. by V.R. Filippov. Moscow: Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences, 2008. 228 p. (In Russ.)
14. *Census and identity: The politics of race, ethnicity and language in national censuses*. Ed. by Kertzer D., Arel D. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 210 p.

15. Cohen A. *Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 1969. 252 p.
16. Lieberman E.S., Singh P. Institutionalized ethnicity and civil war. *Annual Meeting of the American Political Science Association*. 2010. Accessed 09.09.2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ПРОТЕСТЫ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.4>.

EDN: RFDKIA

*О.Д. ЦЕПИЛОВА*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

МУСОРНЫЕ БУНТЫ В РОССИИ: ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРОТЕСТНЫХ ПРАКТИК, ПОЛИТИЗАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕСТОВ

Аннотация. В рамках мобилизационного и институционального подходов проведено исследование четырех кейсов протестных действий по поводу строительства и расширения мусорных объектов в Архангельской области, Подмосковье, республике Татарстан и Краснодарском крае. Изучение автором протестных действий в широком спектре общественных движений приводит к выводу, что «мусорные бунты» в России становятся основной формой коллективных протестных действий в России. В поступательном развитии наблюдается процесс воспроизводства протестных практик, институционализации и политизации антимусорных протестов. Важным мобилизационным ресурсом изучаемого протестного движения является очевидная острота проблемы, актуальность которой нарастает для всех российских регионов. Кроме того, одним из ключевых ресурсов протестного движения можно считать высокий уровень сетевого взаимодействия (через социальные медиа) участников протеста, экологических и правозащитных неправительственных организаций (НПО). По мере разрастания протестной активности вокруг «мусорных» проблем официальные власти все более активно переходят от конфронтации к диалогу, включая в процесс принятия решений представителей общественности и независимых экспертов.

Ключевые слова: экологическое протестное движение, мобилизация, институционализация, политизация, воспроизводство протестных практик, неправительственные общественные организация (НПО).

Для цитирования: Цепилова О.Д. Мусорные бунты в России: воспроизводство протестных практик, политизация и институционализация протестов // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 82–103.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.4>. EDN: RFDKIA

Одной из наиболее острых для России проблем в последние годы становится проблема утилизации бытовых и промышленных отходов. В стране разрослись свалки, большинство которых являются несанкционированными. Вне политического, социально-экономического, правового анализа проблемы за пределами столичных городов, в отдаленных регионах началось строительство новых мусорных полигонов. Любые попытки решения проблемы на государственном, региональных уровнях в течение десятилетий, и особенно в постперестроечный период, наталкивались в конечном итоге на декларирование второстепенности проблемы («укрепимся политически, прорвемся экономически и вот тогда займемся старыми, накопленными проблемами»). Болезненной для населения остается проблема мусоросжигания.

Отходы — это одна из серьезных и нерешенных экологических проблем России. Последние два десятилетия наблюдается практически постоянный рост объема образования отходов. Оценки показывают, что за 15 лет (с 2002 по 2017 г.) объем образования отходов вырос более чем в три раза. Скорость роста образования отходов существенно выше скорости роста ВВП. Общий условный рост «отходоемкости» единицы реального ВВП (в ценах 2008 г.) за последние 25 лет (с 1993 по 2017 г.) составил около семи раз [3, с. 153]. В последующие годы ситуация только ухудшалась.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании, результаты которого изложены в статье, была предпринята попытка анализа протестных действий и протестных настроений граждан по поводу строительства или расширения мусорных полигонов и строительства мусоросжигательных заводов (МСЗ)

в России. В основном фокусе 4 кейса: анализ протестных действий и протестных настроений граждан по поводу строительства мусорного полигона в районе железнодорожной станции Шиес Архангельской области; анализ протестов по поводу строительства 3-х мусоросжигательных заводов и мусорного полигона в Московской области (МСЗ в Хметьево, Могутово и Тимохово и полигон в Поварово); анализ протестных действий по поводу строительства мусоросжигательного завода в поселке Осиново, Зеленодольского района республики Татарстан (в 20 км от Казани); анализ антимусорных протестов в Краснодарском крае.

Исследование проводилось на основе анализа углубленных интервью с активистами протестных действий и руководителями экологических и правозащитных неправительственных организаций России (N=28); анализа официальных документов; анализа дискуссий по поводу указанных случаев во всероссийской экологической рассылке (seu-international@googlegroups.com), анализа материалов активистских сетевых групп.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическими основаниями исследования явились два успешно работающие в анализе протестных действий теоретических подхода: теория мобилизации ресурсов [9; 10; 11; 16; 17; 18] и теория структуры политических возможностей [12; 13; 14; 15; 19]. Основные теоретические положения теории мобилизации ресурсов предоставили возможности на эмпирическом уровне прояснить: какие ресурсы являются ключевыми для возникновения движения и успешного достижения поставленных им целей; каким образом социальные и политические структуры создают возможности (или препятствия) для мобилизации протестного движения; каков социально-демографический состав участников движения, каков «бассейн рекрутирования» движения; какова роль участников (в том числе выявление пассивных и активных форм участия); какие формы функционирования организации наиболее эффективны и результативны для достижения поставленных целей; какие факторы следует считать наиболее значимыми, ключевыми при анализе результатов движения. Теория

мобилизации ресурсов в развитии ее базовых положений позволяет получить эвристичные картины изучаемых случаев протеста; структурировать организационные связи и в конечном итоге определить факторы успеха или неудачи протестных действий.

Теория структуры политических возможностей предоставила теоретические основания для анализа процессов институционализации и политизации протестных движений. В настоящем анализе важными представляются четыре аспекта институционализации общественных движений. Во-первых, как превращение в институт, когда «институционализацией называется процесс, в ходе которого социальные практики становятся достаточно регулярными и долговременными, так что их можно представить в качестве институтов» [1, с. 107]. Во-вторых, как организационное оформление общественного (протестного) движения, профессионализация и расширение сферы активности движения. В-третьих, как включение в институциональную деятельность всего движения или отдельных его членов, и/или как принятие движением требований официального общества, и/или как признание обществом правомерности требований движения и включение их в повестку дня официальной политики. В-четвертых, включение требований движения в программы устоявшихся легальных и легитимных партий и иных политических организаций. Названные представления об институционализации в тех или иных теоретических представлениях могут не исключать друг друга, а сочетаться. Формы политизации могут также выходить за рамки классических в теоретической схеме четырех случаев. Политизацией движения можно считать, с одной стороны, активное вовлечение в протестные действия и признание («принятие») протестным сообществом членов официальных политических партий, либо включение активистов в деятельность политических партий и выстраивание протестных стратегий и тактик в соответствии с политическими целями этих партий; с другой стороны, участие представителей протестных групп в электоральных процессах в качестве представителей политических партий.

Процессы институционализации и политизации нередко тесно переплетены, а некоторые формы гражданской активности являются отражением обоих процессов.

Следует отметить важность теоретического и практического вклада в изучение протестной активности отечественных авторов. Изучение сценариев включения граждан в политическую активность, анализ (де)мотивационных процессов (репрессии против протестующих), попытки анализа динамики протестов, исследование конкретных случаев протестных действий помогают более тщательному и глубокому осмыслению исследуемых данных [2; 4; 5; 6; 7; 8].

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Среди рассматриваемых случаев самый большой резонанс получила ситуация в Архангельской области (ж/д станция Шиес), где летом 2018 г. начались действия по подготовке строительства полигона для захоронения миллионов тонн мусора, образующегося в Москве, то есть за 1200 километров от предполагаемого места складирования. Планы строительства полигона вызвали широкий протест местных жителей, частично местных органов власти. По данным Левада-центра, 95 % жителей Архангельской области выступали против строительства полигона¹. В последствии протест был массово поддержан самыми разными группами населения по всей стране. Строительство началось при отсутствии проекта, обнародованного для общественности и специалистов, в нарушение природоохранного и лесного законодательства, о чем свидетельствовали заявления граждан, их обращения в правоохранительные и надзорные органы, проверки государственных органов контроля и надзора, а также возбужденные уголовные дела.

На основе базовых положений теории мобилизации ресурсов и теории структуры политических возможностей был проведен анализ развития и результатов протестного движения на Шиесе. В протестном движении использовался широкий набор тактик: от неконвенциональных форм протеста (столкновение с чоповцами и блокирование дорог) до конвенциональных, мирных форм протеста (официально разрешенные митинги, марши протеста, концерты и другие культурные

¹ Отношение жителей Архангельской области к проекту строительства Эко-технопарка Шиес // Левада-Центр. 26.08.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 10.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/26/otnoshenie-zhitelej-arhangel'skoj-oblasti-k-proektu-stroitelstva-ekotehnoparka-shies>.

мероприятия в поддержку протестующих, обращения в официальные органы власти регионального и федерального уровня). Важным фактором, послужившим успеху протестного движения, явился высокий уровень самоорганизации и консолидации участников протестных действий. И, безусловно, ключевым ресурсом протестного движения можно считать один из самых высоких в истории российского протеста уровень сетевого взаимодействия рядовых участников протеста, экологических и правозащитных НПО. Если говорить об организационном сопровождении протестных действий, то летом 2018 г. был разбит палаточный лагерь защитников Шиеса, создана «коммуна народовластия», не имеющая жесткой вертикальной структуры, но с четким распределением организационных обязанностей. В силу постоянной сменяемости участников, активисты добровольно возлагали на себя организационные функции (круглосуточные дежурства, бытовые обязанности, информационная связь). Этой основной форме организации протеста оказывала постоянную помощь группа местных эоактивистов «Чистая Урдома». 12 октября 2019 г. делегированные представители общественных организаций и объединений Архангельской области, Республики Коми и Вологодской области заявили о создании межрегиональной экологической коалиции «СТОП-ШИЕС». Межрегиональная коалиция «СТОП-ШИЕС» провела два Съезда с широким представительством участников протестного движения. На Съездах решались вопросы по разрешению проблемной ситуации, по включению участников движения в политическую повестку северо-западных регионов России [8]. В июне 2020 г. Правительство Архангельской области в одностороннем порядке расторгло соглашение с ООО «Технопарк» о сопровождении инвестпроекта по строительству на Шиесе мусорного полигона. Успех движения стал неоспоримым.

После разрешения конфликтной ситуации межрегиональная коалиция «СТОП-ШИЕС» не прекратила своего существования. Эта организационная структура была сохранена как постоянно действующая для поддержания связей с всероссийским экологическим движением и оказания организационно-методической помощи регионам, вовлеченным в мусорные протесты. Экологическое протестное движение, начатое на Шиесе, приобретает институциональные формы развития.

Несмотря на то, что в целом движение «СТОП-ШИЕС» позиционировало себя как неполитическое, по мере разрастания протеста усиливалось политическое участие протестующих: от участия в местных и региональных выборах в сентябре 2019 г. (или поддержки отдельных кандидатов) до выдвижения «народного губернатора» на выборах в сентябре 2020 г. 15 февраля 2020 г. на втором Съезде межрегиональной коалиции «СТОП-ШИЕС» была сформирована команда кандидатов на выборы губернатора в сентябре 2020 г. — О.А. Мандрыкин, С.М. Бабенко, С.В. Илюхин. В апреле «антимусорная» коалиция противников стройки на Шиесе утвердила северодвинского предпринимателя-активиста О.А. Мандрыкина в качестве единого «народного кандидата» на губернаторский пост. Другие лидеры экологического протеста С.М. Бабенко и С.В. Илюхин поддерживали это решение. О.А. Мандрыкин был выдвинут кандидатом в губернаторы от политической партии «Яблоко». В Архангельской области существует двухуровневый «муниципальный фильтр». О.А. Мандрыкин сумел пройти первый уровень, собрав необходимое количество подписей, но пройти второй уровень по представленности районов ему не позволили. Были включены мощные рычаги административных запретов. «Был получен прямой запрет на поддержку кандидатуры Олега Мандрыкина не только в муниципалитете, но и по месту работы» (интервью № 6, мужчина, 48 лет, муниципальный депутат). Несмотря на невозможность непосредственного участия Олега Мандрыкина в выборах губернатора, уже сам факт выдвижения и частичного прохождения «муниципального фильтра» продемонстрировали высокий уровень консолидации представительных групп общественности по вопросу необходимости общественного и политического участия в принятии важных политических и социально-экономических решений. На выборах Государственной Думы восьмого созыва в сентябре 2021 г. партия «Яблоко» выдвинула лидера движения «СТОП-ШИЕС» Олега Мандрыкина кандидатом в депутаты. Он возглавил список региональной группы № 30 общефедерального списка (Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ) и был выдвинут по одномандатному избирательному округу № 72 (Архангельская область — Архангельский). Выдвижение было поддержано движением «СТОП-ШИЕС». По региональному списку результат О.А. Мандрыкина — 17 816 голосов; 2,81 % (партия

«Яблоко» — 1,34 %)¹. По одномандатному округу — 30 125 голосов, 17,56 % (2-е место из 10)². Возглавляемый О.А. Мандрыкиным региональный список получил самый высокий процент голосов среди региональных групп общефедерального списка партии «Яблоко», но результаты были более весомыми в одномандатном округе, где антирейтинг партии в меньшей мере оказал влияние на итоги выборов. Процесс политизации протестного движения стал очевидным.

Ключевые факторы, позволяющие обобщить результаты (в том числе успехи) экологического протестного движения на Шиесе, могут быть описаны в терминах мобилизации, институционализации и политизации:

- **Мобилизация:** широкий набор тактик (от неконвенциональных до конвенциональных форм протеста); высокий уровень самоорганизации и консолидации участников протестных действий; новые формы организации с отсутствием жестких вертикальных структур (но наличием таких структур) и сильными горизонтальными связями; ключевым ресурсом протестного движения можно считать один из самых высоких в истории российского протеста уровень сетевого взаимодействия рядовых участников протеста, экологических и правозащитных неправительственных организаций (НПО);
- **Институционализация:** создание Всероссийской коалиции «СТОП-ШИЕС»; тесное взаимодействие и сотрудничество активистов с рядом представителей муниципальной власти;

¹ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва // ЦИК РФ. 19.09.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 23.10.2022. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=100100225883177&vrn=100100225883172®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100225883177&type=242.

² Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва // ЦИК РФ / Архангельская область / ОИК № 72. 19.09.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 23.10.2022. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=1000090&tvд=100100225883488&vrn=100100225883172&prver=0&pronetvd=null®ion=29&sub_region=29&type=464&report_mode=null.

- **Политизация:** участие лидеров и активистов коалиции в местных и региональных выборах в сентябре 2019 г.; выдвижение «народного» губернатора на выборах в сентябре 2020 г.; успешное участие лидера коалиции «СТОП-ШИЕС» Олега Мандрыкина в Парламентских выборах 2021 г.

Второй случай — это широко разворачивающееся строительство мусоросжигающего завода и мусорных полигонов в Подмосковье. В рамках общенационального проекта «Чистая страна» в 2020 г. была начата подготовка строительства 3-х МСЗ в Московской области: Хметьево (Солнечногорский район), Могутово (Наро-Фоминский район), Тимохово (Ногинский район). Следует отметить, что неподалеку от Тимохово уже расположен полигон твердых бытовых отходов (ТБО), скопивший более 20 млн тонн отходов. В Поварово (Зеленоградский район Московской области) планировалось строительство мусорного полигона. Реализация подмосковных мусорных проектов, осуществляемых без должного технико-экономического обоснования и общественного обсуждения, вызвала широкие протесты граждан.

Протестные действия в Подмосковье были далеки по своему масштабу от протестов в Архангельской области. Однако серьезные антимусорные протесты в стране начались именно в Подмосковье. Протестные акции в Подмосковье против «мусорной политики» региональных властей весной 2018 г. приобрели массовый характер. Мусорные проблемы в регионе не решались годами, действующие полигоны не справлялись с нарастающими объемами отходов собственного региона и поступающими на утилизацию отходами соседнего региона (огромного мегаполиса, г. Москвы). В протестах 2020–2021 гг. в первую очередь использовались конвенциональные, мирные тактики протестов: в деревнях, поселках, городах Воскресенск, Наро-Фоминск, Ногинск, Волоколамск, Солнечногорск, Зеленоград, Балашиха, Дмитров, Клин прошли несколько сходов, собраний общественности и митингов. Прошел сбор подписей и петиций против строительства МСЗ в Хметьево, Могутово и Тимохово и мусорного полигона в Поварово. Некоторые лозунги, используемые жителями Подмосковья в мирных митингах и сходах, повторили лозунги протестных акций на Шиесе: «Подмосковье — не помойка», «Нет мусорному геноциду», «Нет мусор-

ному полигону в Поварово», «Мы хотим дышать чистым воздухом, а не задыхаться от мусоросжигания», «Идея МСЗ чудовищна», «Подмосковье — не мусорная плантация». Межрегиональная коалиция «СТОП-ШИЕС» поддержала антимусорные протесты в Подмосковье. Коалиция осуществляла организационную и информационно-методическую поддержку активистов Московской области. Таким образом, актив антимусорных протестов в Подмосковье во взаимодействии с всероссийским экологическим движением также продемонстрировал элементы институционализации протестного движения. Уровень политизации подмосковных протестов был незначительным. Лидеры и активисты протестов были слабо вовлечены в различные формы политической активности, но в ряде случаев взаимодействовали с представителями политических партий, сочувствовавших или поддерживавших протестующих. Представители политических партий «Яблоко» и КПРФ постоянно принимали участие в акциях протестующих и поддерживали их требования. Особенно представительно выглядела партия «Яблоко», поскольку председатель партии С.М. Митрохин многократно лично принимал участие в акциях протестующих. Эпизодически участвовали представители политической партии «Зеленая альтернатива», но по мнению лидеров протеста, были мало заметны. Во время президентской кампании 2018 г. поддержала протестующих и приняла участие в акции в Волоколамске против строительства мусорного полигона кандидат в Президенты Российской Федерации К.А. Собчак. Однако участие представителей политических партий в протестах не является безусловным показателем политизированности протестного движения. Это в первую очередь инструментализация протестного движения в повышении личного и партийного рейтинга. Между тем этот процесс служит увеличению узнаваемости протестного движения и его лидеров в политическом и общественном пространстве.

Вновь обращаясь к терминам мобилизации, институционализации и политизации, получаем общую картину результатов подмосковных протестов:

- **Мобилизация:** используются конвенциональные, мирные тактики протестов (митинги и сходы, подписание петиций). Некоторые лозунги, используемые жителями Подмосковья в мирных митингах и сходах, повторяют лозунги протестных акций на Шиесе;

- **Институционализация:** коалиция «СТОП-ШИЕС» осуществляет организационную и информационно-методическую поддержку активистов Московской области; ряд требований антимусорного протеста были включены в программы политических партий и подмосковных кандидатов в депутаты по одномандатным округам на парламентских выборах 2021 г. (КПРФ, «Яблоко», «Зеленая альтернатива»);
- **Политизация:** слабый уровень, активисты протеста не проявляли высокой политической активности, хотя поддерживали ряд представителей политических партий (партии «Яблоко», КПРФ), разделяющих их экологические требования, на парламентских выборах 2021 г. Узнаваемость протестного движения в политическом пространстве выросла за счет продвижения антимусорной повестки представителями политических партий.

Третий исследовательский кейс произошел в Татарстане. В 2018 г. власти республики объявили о планах строительства МСЗ в поселке Осиново, Зеленодольского района республики Татарстан, в 20 км от Казани. В 2019 г. проект прошел все необходимые экспертизы, а республиканские власти одобрили начало работ. В планах было запустить предприятие через два года. По инициативе общественности была проведена экспертиза проекта с привлечением независимых специалистов. Но безопасность граждан, живущих в непосредственной близости от места строительства МСЗ, не являлась, по мнению независимых экспертов и общественности, приоритетом в реализации проекта. Началось активное противостояние общественности и власти.

Конфликт в Татарстане, в окрестностях поселка Осиново Зеленодольского района, развивался в логике протестных действий на Шиесе. Следует отметить, что активисты Шиеса и Осиново тесно взаимодействовали. Ряд активистов Шиеса непосредственно участвовали в акциях протеста в Осиново. Противодействие власти действиям активистов, выступавших против строительства МСЗ было жестким: силовые операции, задержания активистов. В Казани и Осиново было проведено несколько митингов, шел сбор подписей под обращениями и петициями против строительства МСЗ. В начале декабря 2019 г. противники строительства завода в связи с началом строительства

подъездной дороги к будущему МСЗ развернули палаточный лагерь. Лагерь имел двойное название: «Шиес-2» (в знак признания заслуг и преемственного опыта палаточного лагеря на Шиесе, Архангельской области) и «Диоксиново» (от Осиново и диоксида, наиболее опасного компонента выбросов при мусоросжигании). Активисты палаточного лагеря требовали показать им проект будущей мусоросжигательной площадки. В жизни палаточного лагеря, также как и в Архангельской области, не наблюдалась социально-демографическая дифференциация участников: принимали участие люди всех возрастов, в равной степени мужчины и женщины, различных профессий и национальностей. Участвовали в основном жители окрестных поселков: Осинового, Новониколаевского, Радужного, Краснооктябрьского. Часть из них расположены буквально в двух километрах от будущего завода. Приезжали жители разных районов Казани, экологические активисты из многих регионов страны. Количество участников протеста варьировалось. В выходные днем доходило до 200 человек. В конце марта 2020 г. в связи с началом карантина лагерь прекратил свое существование. В ходе протестов было проведено множество одиночных пикетов в близлежащих к лагерю населенных пунктах и в г. Казани с требованием отставки главы МВД республики — за жесткие действия в отношении протестующих (ОМОН постоянно предпринимал попытки разрушить лагерь активистов протестного движения). Все пикетчики были задержаны и оштрафованы.

Учитывая опыт антимусорной кампании на Шиесе, осиновцы решили участвовать в политическом процессе. На выборы в Осиновский поселковый совет под девизом «Нет МСЗ в Осиново!» пошла «Команда 13», состоящая из тринадцати независимых кандидатов в депутаты и членов партии «Яблоко» из Казани, Осиново и близлежащих к Осиново населенных пунктов. Они легко собрали подписи в поддержку единого списка от партии «Яблоко», зарегистрировали список, но были сняты с выборов по надуманному поводу за день до выборов. Активисты антимусорных протестов в Татарстане по формальным и надуманным основаниям не были допущены до участия и в федеральных парламентских выборах в 2021 г.

Между тем глава «Ростеха» Сергей Чемезов доложил Президенту Российской Федерации, что мусоросжигательный завод в Татарстане

не может быть построен в ближайшие годы из-за недостаточной проработанности проекта и широкой протестной кампании в республике Татарстан.

В терминах мобилизации, институционализации, политизации ситуацию антимусорных протестов в Татарстане можно коротко описать следующим образом:

- **Мобилизация:** наиболее яркий пример воспроизводства протестных практик в антимусорных протестах. Используются конвенциональные и неконвенциональные тактики протестов в значительной мере повторяющие протестные действия на Шиесе. Палаточный лагерь активистов имел двойное название («Шиес-2» и «Диоксиново»). Организация протеста — сменяемая вертикальная структура с широкими горизонтальными связями. Активное сетевое взаимодействие с целью мобилизации активистов;
- **Институционализация:** тесное взаимодействие с коалицией «СТОП-ШИЕС». Конфликт в Осиново всецело развивался в логике протестных действий на Шиесе;
- **Политизация:** на выборы в Осиновский поселковый совет (сентябрь 2020 г.) под девизом «Нет МСЗ в Осиново!» пошла «Команда 13». Список был зарегистрирован, но снят за день до выборов по надуманному основанию. Активисты протеста не были допущены и до парламентских выборов 2021 г. Ряд беспартийных активистов, недопущенных к участию в выборах, вступили в партию «Яблоко».

В 2020–2022 гг. эпицентр антимусорных протестов переместился на юг России. В Краснодарском крае с повышенной туристической нагрузкой проблемы утилизации бытовых отходов десятилетиями отходили на второй план. Следует добавить, что в связи с текущей политической ситуацией наблюдается резкое увеличение рекреационной нагрузки на регион, находящийся в благоприятной климатической зоне, на берегу двух теплых морей. Накопленные проблемы начали вызывать серьезное общественное возмущение.

Массовые протесты по поводу функционирования мусорных полигонов и свалок вне соответствия санитарно-технических нормам разрастаются по всему краю. В 2021 г. наиболее массовые и резонанс-

ные протестные акции наблюдались в Белореченском районе. Мусорный полигон в 3 км от города Белореченска работает с 2017 г., на него привозят мусор из пяти районов края: Апшеронского, Белореченского, Горячеключевского, Туапсинского и Сочи. Объект переполнен в первую очередь из-за сочинских отходов, откуда поступает полностью несортированный и сгнивший мусор в огромных объемах. На объекте постоянно фиксируют нарушения, а его ресурсов не хватает на переработку всего привозимого мусора. В 2020 г. было принято решение краевых властей совместно с Росприроднадзором РФ: закрывать старый полигон, площадью 6 га; и рядом открывать новый, площадью 25 га. Ситуация осложнилась тем, что новый постоянно действующий полигон планировали развернуть на площадке рядом с химическим заводом «ЕвроХим-БМУ», который уже создавал местным жителям немало проблем. Производственные отходы — разлетающийся и мелкодисперсный фосфогипс (образуется при производстве фосфорной кислоты) — размещены в больших количествах на открытых пространствах.

Жители Белореченска (более 60 тыс. человек) и близлежащих территорий потребовали остановить реализацию опасного для здоровья проекта. С апреля 2021 г. до конца 2023 г. в Белореченске прошло 4 массовых митинга, каждый из которых собирал до 1 тыс. человек, несмотря на антиковидные ограничения; было собрано более 15 тыс. подписей жителей под обращением к губернатору Краснодарского края В.И. Кондратьеву по поводу нарушений функционирования старого полигона и против строительства нового; направлено видео-обращение активистов белореченского протеста Президенту РФ В.В. Путину. Держали удар и районные депутаты. Несмотря на беспрецедентное давление, они отказывались перевести окружающие действующий полигон земли из категории сельскохозяйственных в промышленные. Из интервью одного из лидеров белореченского протеста: «Жителям обещают жалкие компенсации из-за близости проживания с полигоном. Но мы не хотим этих благ. Мы не хотим дышать отравленным воздухом, мы не хотим болеть. Мы не верим обещаниям власти, не верим, что новый мусороперерабатывающий комплекс будет безопасным, потому что все годы функционирования старого полигона мы видели чудовищные нарушения, которые никак не устранялись»

(интервью № 24, женщина, 45 лет, один из лидеров протестной инициативной группы). Лидеры протеста консолидировали свои усилия и начали поиск новых тактик протеста совместно с всероссийской антимусорной коалицией «СТОП-ШИЕС».

Протест в белореченском районе Краснодарского края приобрел такие масштабы, что на встречах с активистами и жителями города побывали глава Министерства природы края Александр Козлов, глава Росприроднадзора края Светлана Родионова, губернатор края Вениамин Кондратьев. В июне 2021 г. по инициативе губернатора края известные краевые экологи, активисты НПО «Экологическая вахта по Северному Кавказу» Андрей Рудомаха, Татьяна Трибрат и Евгений Витишко вошли в Экспертный Совет Росприроднадзора.

В сентябре 2021 г. лидер белореченского протеста Светлана Фисенко баллотировалась по Сочинскому одномандатному округу № 50 в Государственную Думу РФ восьмого созыва. Она была выдвинута политической партией «Яблоко» и поддержана всероссийской антимусорной коалицией «СТОП-ШИЕС».

Чего добились протестующие в Белореченске? Руководство полигона официально отказалось от дополнительных 25 га земли, которые пыталось арендовать изначально для очень продолжительной деятельности. Вторая очередь полигона была уменьшена менее чем до 4 га. Губернатор края Вениамин Кондратьев дал гарантии, что 2 очередь станет точкой, после которой полигон будет закрыт навсегда.

В аналогичном белоречинскому сценарии в 2021–2024 гг. развивался протест против расширения мусорного полигона ТБО в станице Полтавская. В декабре 2023 г. губернатор Краснодарского края Вениамин Кондратьев заявил о закрытии мусорного полигона в станице Полтавской во время прямой линии, поблагодарив лично Наталью Гаряеву, возглавившую протест местных жителей и донесшую до главы региона факты массовых нарушений в работе полигона. Но в последствии полигон в станице Полтавской возобновил работу. Губернатор края разъяснил, по каким причинам полигон нельзя ни закрыть, ни перенести, но можно и нужно ответственно эксплуатировать. Между тем против лидера протеста Натальи Гаряевой были совершены провокационные действия и даже попытки возбуждения уголовного дела. Активная защита общественности и краевых эколо-

гов закончились тем, что преследования были прекращены при непосредственном вмешательстве губернатора края Вениамина Кондратьева и главы Следственного комитета России Александра Бастрыкина.

В выбранной исследовательской схеме краснодарские антимусорные протесты выглядят следующим образом:

- **Мобилизация:** использование конвенциональных, мирных тактик протеста (петиции, обращения, митинги, переговоры). Но даже в период пандемийных ограничений протесты носили массовый характер. Движение получало массовую сетевую поддержку через социальные медиа.
- **Институционализация:** коалиция «СТОП-ШИЕС» осуществляла организационную и информационно-методическую поддержку активистов. В период после конца февраля 2022 г. все более применяемыми практиками становятся переговорные процессы с представителями различных уровней власти. Жители проблемных территорий делегируют представительство своих интересов лидерам протестных групп и известным краевым экологам. Официальные власти приняли стратегию диалога в решении крайне острой для Краснодарского края проблемы. Активное сотрудничество в решении проблем с муниципальными депутатами. В июне 2021 г. известные краевые экологи Андрей Рудوماха, Татьяна Трибрат и Евгений Витишко вошли в Экспертный Совет Росприроднадзора (региональный уровень);
- **Политизация:** лидер белореченского протеста Светлана Фисенко участвовала в парламентских выборах 2021 г.

ВЫВОДЫ

Проблемы утилизации мусора, свалок, рекультивации территорий старых отходов приобрели общеполитическое значение на всероссийском уровне. На сегодняшний день ситуация остается крайне острой. Очевидно, что решение названных проблем жесткими административными авторитарными методами влечет за собой нарастание недовольства в обществе, реальных протестов и протестных настроений граждан. Даже при наличии политической воли требуется скорейшее решение огромного числа политических, правовых, социально-экономических, технологических аспектов проблемы.

Возможно предположить, что «мусорные бунты» в России становятся основной формой коллективных протестных действий в России. Их отличают формы участия с широким набором тактик, возникновение новых форм организации с отсутствием жестких вертикальных структур и сильными горизонтальными связями, массовая поддержка населения, широкое сетевое взаимодействие (через социальные медиа).

По мнению большинства интервьюируемых, важным мобилизационным ресурсом изучаемого протестного движения является очевидная острота проблемы отходов, актуальность которой нарастает для всех российских регионов. Именно в силу чрезвычайной актуальности проблемы мусорные протесты имеют массовую поддержку, несмотря на законодательные ограничения (например, ограничения на проведение публичных мероприятий).

Анализ четырех кейсов протестных действий против строительства «мусорных» объектов (в Архангельской области, Подмосковье, Татарстане, Краснодарском крае) говорит о воспроизводстве протестных практик. Процесс достигается в первую очередь благодаря институционализации ранних протестов (в первую очередь на Шиесе) и сетевому взаимодействию активистов. Мусорные протесты, в ранних формах своего развития декларировавшие свою неполитизированность, перешли к активному участию в политических процессах и высокой электоральной активности.

В ходе развития локальных протестов против строительства или расширения «мусорных» объектов идет процесс институционализации протестного движения. Протестные действия и помощь протестующим других регионов становятся постоянной, рутинной практикой. Ряд лидеров протеста становятся участниками совещательных и экспертных структур в органах власти. Требования протестующих трудно, но поступательно продвигаются в официальную повестку дня субъектов принятия решений.

В тех регионах, где активисты антимусорных протестов находились в жестком противостоянии с федеральными и региональными органами власти, они нередко получали помощь и поддержку властных структур на муниципальном уровне.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цепилова Ольга Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** tsepilova@mail.ru.

Research Article

OLGA D. TSEPILOVA¹

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia

**GARBAGE RIOTS IN RUSSIA: REPRODUCTION
OF PROTEST PRACTICES, POLITICIZATION
AND INSTITUTIONALIZATION OF PROTESTS**

Abstract. Within the framework of the mobilization and institutional approaches, the analysis of four cases of protest actions on the construction and expansion of garbage facilities in the Arkhangelsk region, the Moscow oblast, the Republic of atarstan and the Krasnodar Krai is carried out. The study of protest actions by the author in a wide range of social movements leads to the conclusion that “garbage riots” in Russia are becoming the main form of collective protest actions in Russia. In the progressive development, the process of reproduction of protest practices, institutionalization and politicization of anti-garbage protests is observed. An important mobilization resource of the protest movement under study is the obvious severity of the problem, which is becoming increasingly relevant for all Russian regions. In addition, one of the key resources of the protest movement is the high level of networking (through social media) among protest participants, environmental and human rights non-governmental organizations (NGOs). As protest activity around the “garbage” issue grows, the official authorities are increasingly moving from confrontation to dialogue, involving public representatives and independent experts in the decision-making process.

Keywords: environmental protest movement, mobilization, institutionalization, politicization, reproduction of protest practices, non-governmental social organizations (NGOs).

For citation: Tsepilova O. Garbage riots in Russia: reproduction of protest practices, politicization and institutionalization of protests. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga D. Tsepilova — Candidate of Sociology, senior researcher. The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** tsepilova@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. 420 с.
Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. The Penguin dictionary of sociology. [Russ. ed.: *Sotsiologicheskii slovar'*. Kazan: Kazan University Publishing House, 1997. 420 p.]
2. Ахременко А.С., Филиппов И.Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200–225.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>. EDN: BOHHDX
Akhremenko A.S., Philippov I.B. Impact of the violent suppression of protest on its discussion in social networks. *Monitoring obshchestvennykh mnenii: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019. No. 5. P. 200–225.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>. (In Russ.)
3. Блоков И.П. Окружающая среда и ее охрана в России: изменения за 25 лет. М.: ОМННО. 2018. 429 с.
Blovok I.P. *Okruzhayushchaya sreda i ee okhrana v Rossii: izmeneniya za 25 let* [Environment and its protection in Russia: changes over 25 years]. Moscow: OMNNO, 2018. 429 p. (In Russ.)
4. Семенов А.В., Снарский Я.А., Ткачева Т.Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2011) // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 62–74.
<https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>. EDN: GCSYMA
Semenov A.V., Snarski Ya.A., Tkacheva T.Yu. Temporal and cross-regional variance in environmental protest activity of Russians (2007–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2024. No. 2. P. 62–74.
<https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>. (In Russ.)
5. Соколов А.В., Палагичева А.В. Подмосковные протесты против мусорных полигонов: механизмы политической демобилизации // Российская госу-

дарственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции. Материалы научно-практической конференции. Владимир, 12 октября 2018 года / Отв. ред. Р.В. Евстифеев. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. С. 190–194. EDN: SRIEST

Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Moscow region protests against landfills: mechanisms of political demobilization. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v XXI veke: natsional'naya identichnost' i istoricheskaya pamyat' v usloviyakh global'noy konkurentsii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vladimir, 12 oktyabrya 2018 goda* [Russian statehood in the 21st century: national identity and historical memory in the context of global competition. proceedings of the scientific and practical conference. Vladimir, October 12, 2018]. Ed. by R.V. Evstifeev. Vladimir: Vladimir Branch of RANEPa, 2018. P. 190–194. (In Russ.)

6. Тулаева С.А., Семушкина Е.С. «За лес, за воду, за нашу природу!»: сценарии и особенности (де)политизации экологической повестки в российских регионах // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2025. Т. 17. № 1. С. 116–146. <https://doi.org/10.53483/2078-1938-2025-17-1-116-146>. EDN: ZUNHWW

Tulaeva S., Semushkina E. “For the forest, for the water, and for our nature!”: Scenarios and features of (de)politicization of the environmental agenda in Russian regions. *Laboratorium: Russian review of social research*. 2025. Vol. 17. No. 1. P. 116–146. <https://doi.org/10.53483/2078-1938-2025-17-1-116-146>. (In Russ.)

7. Цепилова О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 2. С. 211–233.

<https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.9>. EDN: BCGYBR

Tsepilova O.D. Stages of institutionalization of the environmental protest movement in post-perestroika Russia. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 211–233.

<https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.9>. (In Russ.)

8. Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 4. С. 136–162.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. EDN: UJPPDG

Tsepilova O.D., Golbraih V.B. Environmental activism: resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy*

- antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 136–162.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. (In Russ.).
9. Borbáth E., Hutter S. Environmental protests in Europe. *Journal of European public policy*. 2025. Vol. 32. No. 8. P. 1932–1957.
<https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2390701>.
 10. Edwards B., McCarthy J., Mataic D.R. The resource context of social movements. *The Blackwell companion to social movements*. Ed. by D. Snow, S. Soule, H. Kriesi, H. McCammon. Oxford: Blackwell, 2018. P. 79–97.
 11. Gamson W.A. From outsiders to insiders: The changing perception of emotional culture and consciousness among social movement scholars. *Mobilization*. 2011. Vol. 16. No. 3. P. 405–418.
 12. Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks. *The Oxford handbook of the human essence*. Ed. by M. van Zomeren, J.F. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017. P. 207–218.
 13. McAdam D., Tarrow S. Social movements and elections: Toward a broader understanding of the political context of contention. *The future of social movement research: Dynamics, mechanisms, and processes*. Ed. by J. van Stekelenburg, C. Roggeband, B. Klandermans. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2013. P. 325–346.
 14. Offe C. Referendum vs. institutionalized deliberation: What democratic theorists can learn from the 2016 Brexit decision. *Daedalus*. 2017. Vol. 146. No. 3. P. 14–27. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00443.
 15. Rucht D. Studying social movements: Some conceptual challenges. *The history of social movements in global perspective*. Ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 39–62.
 16. Tarrow S. Progress outside of paradise: Old and new comparative approaches to contentious politics. *Comparative political studies*. 2021. Vol. 54. No. 10. P. 1885–1901. <https://doi.org/10.1177/00104140211024297>.
 17. Tilly Ch. Introduction to Part II: Invention, diffusion, and transformation of the social movement repertoire. *European Review of history: Revue européenne d'histoire*. 2005. Vol. 12. No. 2. P. 307–320.
<https://doi.org/10.1080/13507480500269134>.
 18. Zald M.N. The strange career of an idea and its resurrection: Social movements in organizations. *Journal of management inquiry*. 2005. Vol. 14. No. 2. P. 157–166. <https://doi.org/10.1177/1056492605275243>.

19. Williams D.M. How do political opportunities impact protest potential? A multilevel cross-national assessment. *International journal of comparative sociology*. 2022. Vol. 64. No. 4. P. 350–374.
<https://doi.org/10.1177/00207152221133059>.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.5>.

EDN: SAEOIR

В.Д. ДМИТРИЕВА¹,

А.Ю. ШВАЯ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Аннотация. В статье представлен аналитический разбор выступлений и основных дискуссий на Двадцать четвертом всероссийском семинаре «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Структурирование материалов производится не на основании хронологической последовательности, а по принципу концептуальной связности. Подобный подход позволяет реконструировать авторские позиции и выявить принципиальные теоретические противоречия, которые задали вектор развернувшихся на семинаре дискуссий. Опираясь на тезисы К. Мангейма о мультипликации и автономизации элит в условиях социальных трансформаций, авторы статьи выделяют несколько сюжетных линий, очертивших проблемное поле семинара в 2025 г. Во-первых, это проблема автономизации элит, которой сопутствует диверсификация властных групп; во-вторых, централизация власти и субъектность локальных элит. В-третьих, поколенческая динамика элит. Наконец, в-четвертых, диффузия морального порядка, которой противопоставлен «конфиденциальный менеджмент».

Ключевые слова: элиты, властные группы, институциональные порядки, мультипликация элит, диффузия.

Для цитирования: Дмитриева В.Д., Швая А.Ю. Мультипликация элит в условиях конкуренции институциональных порядков // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 104–123.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.5>. EDN: SAEOIR

В Санкт-Петербурге 23–25 октября 2025 г. прошел Двадцать четвертый всероссийский семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», организованный Социологическим институтом РАН — филиалом ФНИСЦ РАН при участии Российской ассоциации политической науки, Российского общества социологов и Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Доклады участников представляют собой большое тематическое разнообразие при сохранении классических для российской элитологии вопросов рекрутирования, карьерных траекторий, социо-структурной интеграции и трансформации региональных элит и пр. Тем не менее большинство докладчиков сосредоточились не столько на анализе относительно статичных характеристик элитных структур, сколько на особенностях трансформации и размножения элитных групп, что отчасти может быть объяснено интенсивностью современной политической жизни. В этом смысле видится оправданным обращение к теоретическим объяснениям элитных трансформаций К. Мангейма, где он связывает эти процессы с либеральной трансформацией социальной структуры. Данные генерализации оказываются достаточно актуальными в попытках аналитически обобщить наиболее значимые дискуссии и ход рассуждений докладчиков. Прежде всего речь идет о двух тезисах Мангейма: мультипликация элит в условиях социальной дифференциации и потребность в автономизации элит.

Оба тезиса проблематичны как сами по себе, так и в отношении друг друга. Растущее число элитных групп в условиях социальных изменений приводит к диффузии их функций контроля в рамках отдельных социальных порядков, что в свою очередь порождает проблему сохранения автономии элит, их обособленности от других функциональных групп. В этом отношении потребность элитных групп в поддержании автономии оказывается тесно связана с их мультипликацией [2, с. 314–315]. Отталкиваясь от рассуждений К. Мангейма, можно выделить сюжеты, связанные с ростом автономизации элит

как от гражданских объединений, так и в рамках институциональной структуры политико-административной элиты. В то же время докладчики приводят примеры формирования новых элитных групп и активизацию отдельных лидеров или этнических предпринимателей. Следом исследователи обращают внимание на взаимоотношение федерального и местного уровней власти. Далее отдельная группа исследователей изучила поколенческую динамику трансформации властных групп. Наконец, выступающие указывают на конкуренцию институциональных порядков и диффузию морального контроля, тогда как, с другой стороны, исследователи отмечают рост замкнутости и обособленности принятия стратегических решений элитными группами.

АВТОНОМИЗАЦИЯ ЭЛИТЫ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ГРУПП

Александр Юрьевич Сунгуров (АНО Народный университет современного конституционализма, г. Екатеринбург / г. Санкт-Петербург) проследил эволюцию практик взаимодействия между представителями политико-административной элиты Санкт-Петербурга и общественными организациями и инициативами за последние 25 лет. Им были выделены ключевые этапы: принятие в 2008 г. рамочной «Концепции взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с общественными объединениями и иными негосударственными некоммерческими организациями», появление «группы Сокурова» после конфликта вокруг строительства Охта-центра и т.д. Как отметил докладчик, взаимодействие постепенно становилось все более фрагментарным, практики (в особенности неформальные) сильно зависели от персон, занимавших ключевые властные позиции, в связи с чем такие практики довольно быстро сворачивались вслед за уходом персон с занимаемых должностей. Наконец, на современном этапе лишь отдельные региональные ведомства инициируют общественные слушания, в остальных случаях институциональное оформление общественных объединений и инициатив происходит усилиями либо самих низовых активистов и экспертов, либо ориентированных на публичные обсуждения депутатов Законодательного собрания города. Дистанция увеличивалась в том числе посредством использования цифровых сервисов.

В отличие от сворачивания взаимодействия власти с гражданскими объединениями в Санкт-Петербурге, в Ленинградской области масштабное строительство морского порта в районе поселка Усть-Луга стало, как показал в своем докладе *Валерий Алексеевич Ачкасов* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), стимулом к активизации этнических предпринимателей. Под этой группой следует понимать негосударственных акторов, продуцирующих модели этнической идентификации. При этом в конструктивистской логике Р. Брубейкера характерно выделение «категоризации» в качестве основного нормирующего компонента процесса этнической идентификации. Этничность в этом отношении придает большую определенность идентичности, а потому легче поддается инструментализации в дискурсе и практиках отдельных групп. Иными словами, этнические предприниматели становятся властными акторами, навязывающими определенные модели идентичности местным жителям, как это произошло, по словам докладчика, с народом водь (вожане). В данном случае наблюдается своего рода «реанимация» этнической идентичности с элементами изобретения традиций вожан (появление нового праздника как способ презентации себя этническим сообществом), что позволило включить этот народ в список коренных народов.

На другом уровне институционализации этнические сообщества предстают в исследовании *Петра Вячеславовича Панова* (Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь), изучившего политические партии этнических меньшинств Европы. Этническими маркированы партии, социальной базой которых являются определенные этнические группы, чьи интересы они продвигают. При этом сама этничность, согласно подходу М. Вебера, основывается на субъективных представлениях людей об общности своего происхождения, а не на факторе общей территории. В ситуации этнического голосования возникает вариативность электоральных результатов, зависящих от избирательной системы (в частности, пропорциональная система способствует успеху этнических партий) и этнической структуры населения. Соответственно, электоральная динамика этнических партий имеет два измерения: динамику электоральных результатов и трансформацию этнического сегмента партийной системы. На основании анализа электоральной статистики (электоральные циклы с 2014 г.) П.В. Панов пришел к выводу о влиянии этнорегионализма на выборы

в национальные парламенты Европы. В то время как этнические партии ограничиваются политико-культурной повесткой, этнорегионалистские партии выдвигают территориальные требования. На практике это выражается во встраивании этнических партий в страновой контекст и общеевропейский тренд на мультикультурализм и, напротив, в ориентации этнорегионалистских партий на региональный уровень. Последние, как отметил П.В. Панов, оказываются более склонны к колебанию электоральных результатов и внутренней фрагментации, расколу по линии «сепаратизм-автономизм».

Пример значительной автономизации отдельных групп политической элиты рассматривается в исследовании *Александры Борисовны Даугавет* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург). Принимая ряд неоинституционалистских теоретических предпосылок, она рассматривает функционирование Санкт-Петербургской региональной политико-административной элиты через анализ эволюции институциональных практик. Неформальные практики оказываются конституирующими по отношению к реальным властно-политическим отношениям в регионе. Среди таких практик были выделены организационные и практики взаимодействия (или обмена). Как отмечает исследователь, такая диспозиция привела к кризисному периоду «двоевластия» спикера Законодательного собрания и губернатора (с 2016 по 2021 г.), что закончилось упразднением т.н. «коллективной поправки» как практики обмена, переводом спикера В. Макарова и его сторонников на другие позиции с целью нейтрализации, отменой ограничений на срок избрания губернатора региона и репрессиями против муниципалитетов. Такое изменение функции контроля административной элиты региона над политической докладчик называет переходом «от договорного режима к директивному». Характерным продолжением последнего стало появление в 2022 г. Молодежного парламента, который также выполняет функцию административного контроля.

Не являются исключением в отношении общих процессов институциональной автономизации и партийные элиты. Так, *Денис Борисович Тев* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург) изучил динамику рекрутирования регионального депутатского корпуса КПРФ на основе сравнения биографических данных, собранных в 2011 г. и 2025 г. По словам докладчика, исследование показало существенное

воспроизводство социально-структурных характеристик, устойчивость иерархии каналов рекрутирования, что говорит о возросшей степени институционализации сегмента региональной политической элиты КПрФ. Вместе с тем исследователь фиксирует уменьшение доли выходцев из администрации, что существенно выделяет депутатский корпус партии на фоне менее оппозиционных политических сил. В то же время это связано и с ограничением присутствия членов КПрФ в публичных органах власти (включая административные). По этим же причинам уменьшается и число выходцев из Госдумы. Уменьшилась доля бывших номенклатурных работников, что приводит к обновлению партийного корпуса политической элиты. Наконец, сохраняется значительный уровень плутократизации, хотя такие депутаты редко оказываются выходцами из крупного бизнеса.

На этом фоне довольно показательны попытки партийных элит преодолеть свою обособленность, характерную для политико-административной элиты в целом. Одной из таких попыток является разработка цифровых игровых сервисов, которые подробно разобрала в своем докладе *Наталья Владимировна Колесник* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург). В фокусе исследователя была проблема интеграции политическими партиями техник геймификации в свои избирательные кампании, а также во взаимодействие с потенциальными молодыми сторонниками. Как подчеркивает Н.В. Колесник, геймифицированные практики коммуникации не ориентированы на получение удовольствия пользователями, но, напротив, оказываются довольно стратегической алгоритмизированной формой вовлечения. Среди российских партий активнее всего репрезентируют себя посредством игровых цифровых техник «Единая Россия», КПрФ и ЛДПР, при этом последняя партия заметно лидирует по креативным решениям. Тем не менее игровые практики, среди которых преобладают конкурсы (но также присутствуют тесты и викторины) не выходят за рамки базового уровня вовлечения, предлагая лишь пассивное информирование, а не активное сотрудничество. Любопытным оказывается и то, что среди призов доминируют материальные, а не виртуальные награды. Также геймификация партий выстраивается на базе платформ социальных сетей, не создавая автономной цифровой системы, что делает довольно затруднительным доступ

к таким продуктам, оставляя их преимущественно для внутрипартийной публики.

Наконец, значимой теоретической проблематизацией в рамках темы данного раздела стал доклад *Любови Александровны Фадеевой* (Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь), посвященный взаимоотношению между личностным и институциональным измерениями власти. Политические лидеры действуют в институциональной среде, но обладают способностью трансформировать сложившиеся нормы и «правила игры». Хотя эта способность, реализуемая преимущественно в кризисные периоды, характерна для всех политических режимов, именно в автократических обществах влияние лидеров становится доминирующим. Выступая в качестве агентов институциональных изменений, лидеры могут опираться на персональную харизму и поддержку населения, мобилизация которой требует использования актуальных каналов политической коммуникации — учета фактора медиатизации. В данном случае показательны предпринимаемые национальными лидерами попытки выстраивания новых политических идентичностей: от *MAGA* до концепции «китайской мечты». Напротив, институциональная власть через установление формальных правил и процедур обеспечивает стабильность политического процесса, предоставляя лидерам гарантии политической легитимности. Как следствие, в условиях снижения институционального доверия, вызванного ростом различных форм неравенства (внутри- и межстранового, цифрового и пр.), актуализируется вопрос доверия политическим лидерам. Это отражается в материалах социологических опросов и экспертных оценок применительно к странам, претендующим на занятие ведущих позиций в трансформирующемся глобальном порядке. Резюмируя, Л.А. Фадеева подчеркнула необходимость осмысления взаимного влияния институтов и политических лидеров, находящихся в центре неформальных элитных сетей.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ

Локальные элиты — как входящие во властные структуры, так и не относящиеся к ним — выступают важнейшими игроками при разработке и реализации проектов развития территории. В этом смысле характер внутриэлитного взаимодействия оказывает влияние на локаль-

ную политику, конфликтный потенциал которой продемонстрировала в своем докладе Алла Евгеньевна Чирикова (Институт социологии РАН ФНИСЦ РАН, г. Москва). На материалах интервью были выявлены практики взаимодействия иностранных инвесторов с региональной и муниципальной властью в малом российском городе / районе Ивановской области. Наличие развитой инфраструктуры и рабочей силы маркируется значимым, но недостаточным условием привлечения иностранных инвесторов. Согласно позиции А.Е. Чириковой, именно способность властей к снятию возникающих противоречий и налаживанию переговорного процесса становится решающим фактором. Если согласование интересов локального сообщества (территории) и иностранного капитала является задачей губернатора, то коммуникация с ним осуществляется через муниципальную власть. Как следствие, сопротивление части элитного корпуса и населения вхождению иностранного бизнеса напрямую связано с уровнем доверия к местной власти.

Власть в городе и локальная политика выступили также предметом исследования Юрия Александровича Пустовойта (Новосибирский государственный университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Новосибирск). Поскольку ни одна из распространенных политических теорий — элитизм, плюрализм и теория режимов — не объясняет произошедшее за последние десять лет изменение властных конфигураций в Новосибирске и области, Ю.А. Пустовойт обратился к теории ассамбляжей М. Деланды. В данном ракурсе власть выступает децентрализованным распределительным эффектом, который возникает при взаимодействии человеческих и нечеловеческих акторов, а ассамбляж власти — динамическим образованием или изменчивой конфигурацией таких гетерогенных элементов. Картографирование перехода от плюралистической властной конфигурации, опиравшейся на паттерн координации, к централизованному контролю дает следующие результаты. Детерриторизация / дестабилизация старых ассамбляжей связана с исчезновением их ключевых компонентов (лидеров-символов), экспрессивным (подавление локальных нарративов федеральной повесткой) и материальным (отмена выборов мэра) внешним фактором, а также инфраструктурными ограничениями. Территоризация нового ассамбляжа, напротив, обусловлена адаптивностью его компонентов (самостоятель-

ность при принятии оперативных решений) и нарративов (встраивание в официальный дискурс), а также ресурсами городской инфраструктуры. Результатом стало возникновение нового социального порядка, при котором утрата ассамблеями способности к производству конкурентных / альтернативных проектов развития города и региона сопрягается с потерей материальных ресурсов, в том числе должностных позиций [4].

Продолжая тематику локального измерения власти, *Илья Александрович Хабаров* (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; Общественная палата Тамбовской области, г. Тамбов) акцентировал внимание на двойственной природе местного самоуправления — государственной и общественной. Координация этих компонентов МСУ, осуществляемая в правовом, административном и политическом полях, раскрывает как приоритеты национальных и локальных элит, так и специфику самоорганизации граждан (локальных сообществ). В связи с этим осмысление текущей муниципальной реформы в России, апеллирующей к категории публичной власти, требует учета территориальных, коммуникативных, административных и символических пределов / ограничений публичного пространства. Подчеркнув единство приватного и публичного — тождество человека и среды — в случае местных сообществ, И.А. Хабаров пришел к выводу о том, что интеграция МСУ в систему публичной власти производится посредством «административного потока». Это нисходящее использование элитами административного ресурса, формирующего пространство регионов и муниципальных образований. В данном контексте, как отметила *Ольга Валентиновна Попова* (СПбГУ; СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург), актуальность получает проблематика политического лидерства на местном уровне. На основании пилотных экспертных интервью установлено, что дискуссии о самой возможности муниципального лидерства опираются на ограниченный набор аргументов, отсылающих к его институциональным особенностям: нехватке полномочий и ресурсов, неполитическому («хозяйственному») характеру деятельности и отсутствию последователей у муниципальных властей, а также к невысокой вероятности использования органов МСУ в качестве «карьерного лифта» в политику. Однако вторичный анализ данных серии исследований, проведенных в ЦАО

г. Москвы, свидетельствует о формировании нового типа муниципальных лидеров. Этот процесс сопряжен с перераспределением ответственности за реализацию государственных программ сверху вниз, при котором главной социальной функцией муниципальной власти остается самоорганизация локального сообщества. О.В. Попова предложила определять муниципальное лидерство через способность местных депутатов и представителей местной администрации прямую или через специальные механизмы принимать гласные и обязательные для исполнения решения в интересах местных жителей.

ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Приход более молодых поколений властных групп усиливает чувствительность элиты к диффузным воздействиям одних институциональных порядков на другие. Определив политическую элиту в качестве одного из основных сегментов политической жизни, *Дмитрий Валериевич Покатов* (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов) акцентировал роль этой социальной общности в консолидации современной российской политики. Поскольку профессионально-личностный потенциал политической элиты зависит от поколенческих характеристик — особенностей социализации и жизненного пути, ценностных ориентаций и пр., поколения оказываются важной переменной в исследованиях элитных групп. На основании контент-анализа биографий федеральной и региональной политической элиты (регионы Среднего и Нижнего Поволжья) Д.В. Покатов пришел к выводу о переплетении поколенческих срезов в структуре российской элиты. При этом наименее представлено поколение новейшего периода 1990 — начала 2000-х гг., концентрация которого наблюдается в парламентской / выборной элите. Губернаторский корпус в свою очередь демонстрирует тенденцию к рекрутированию «молодых технократов» (сотрудников крупных и средних бизнес-структур), воззрения и управленческие подходы которых расходятся с настроениями молодежных групп. Как отметил в своем докладе *Виталий Олегович Гашков* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), молодое поколение обеспечивает одновременно преемственность и инновационный потенциал

политической элиты. В российских реалиях поколение до 35 лет при превалировании социально-гуманитарных и управленческих специальностей обладает высоким образовательным капиталом, полученным в основном в столичных вузах. Молодая региональная элита более склонна к гибридизации карьерных траекторий, важнейшей из которых оказывается служба в органах государственной и муниципальной власти. Напротив, на федеральном уровне ключевым каналом элитного рекрутирования выступают политические партии. Изучив молодое поколение российских миллиардеров, Елена Антоновна Швецова (НИУ ВШЭ, г. Москва) выявила тенденцию к расширению и обновлению экономической элиты страны. Эти процессы обусловлены изменением социального порядка и институциональных условий в период международной турбулентности. Они находят выражение не только во внутрисемейной передаче крупного капитала, но и в формировании нового поколения бизнес-элиты, преимущественно занятой импортозамещением. В отличие от первого поколения экономической элиты, возникшего при переходе России к рыночной экономике, социализация молодых миллиардеров вписана в глобальную перспективу. Согласно Е.А. Швецовой, подобный поколенческий разрыв может привести к изменению способов управления капиталом и ценностных установок сверхбогатых (например, принятие социальной роли «наследника-филантропа»).

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ» И ДИФфуЗИЯ МОРАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Чрезвычайно ценной для построения концептуальных связей между многими докладами на прошедшем семинаре стала перспектива изучения элит в пространстве конкурирующих институциональных порядков. Наиболее четко ее актуализировал в своем докладе Александр Владимирович Дука (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург). Ключевым сюжетом доклада стал процесс мультипликации социальных порядков (тезис К. Мангейма), который в свою очередь становится предпосылкой для институциональной дифференциации элит. Этот процесс, по словам А.В. Дуки, приводит к дезориентации в определении центра власти и ответственности как внутри властного сообщества, так и в социетальном масштабе. Однако поскольку

конstellации институциональных порядков не являются просто соположенными друг другу, но представляют собой определенную иерархию в современных обществах, неминуемо происходит властное проникновение одних порядков в другие. Элиты в этом смысле определяются докладчиком как «агенты-регуляторы», которые способны направлять и задавать процесс трансформации порядков. Несмотря на это элиты сами оказываются подвержены социетальным процессам трансформации институциональных порядков, что приводит к мультипликации властных групп. В попытке описать современную констелляцию институциональных порядков А.В. Дука дополняет модель Ч.Р. Миллса и Г. Герта [6, с. 25–26] иерархической логикой социальных порядков Р. Парка [3]. Результатом такого теоретического синтеза становится утверждение о доминирующей роли морального порядка, властные агенты-регуляторы которого оказываются далеко не монолитны, а их контроль и инфильтрация властных агентов других порядков диффузными. Тем не менее моральный порядок во многом имеет признаки тотального институционального порядка, без которого невозможна легитимация властвующей элиты.

Одной из ключевых иерархий, которая уже достаточно давно автономизировалась в рамках политического институционального порядка, безусловно, является бюрократия. *Владимир Львович Римский* (Московский психолого-социальный университет, г. Москва) предлагает понимать ее, с опорой на смыслогенетическую концепцию эволюции культуры А.А. Пелипенко, как продукт логоцентризма. Последнее понятие описывает одновременно и культурный процесс, начавшийся в Античности, и определенную систему смыслов и ментальных характеристик, выраженных прежде всего в идее публичного служения, четкости моральных категорий, убежденности в необходимости соблюдения законов и т.д. Процесс разложения логоцентризма, согласно концепции Пелипенко, начался с конца позднего Средневековья и длится до сих пор в современных обществах (прежде всего в европейских). В этой связи, по словам докладчика, современная бюрократия отходит от своих изначальных культурных принципов функционирования к постлогоцентрическим. Последние характеризуются сосредоточенностью административной элиты на самообеспечении, отказом от идеи служения, неэффективным решением значимых общественных проблем

и неспособностью стратегического планирования развития. Распад скреплявших ранее бюрократию функциональных задач на множество локальных групповых интересов сопровождается распадом моральной системы оценивания такового функционирования (как самими администраторами, так и гражданами). Данная объяснительная схема оказывается достаточно близкой к теме мультипликации элит и диффузной роли властных агентов в различных институциональных порядках, представленной ранее А.В. Дукой. Еще одной властной группой, которая выделяется в последние годы в рамках экономического институционального порядка и осуществляет воздействие на политический посредством прогрессистских и технократических нарративов, а также контроля за новыми медиа и потоками информации, является «цифровая элита». Постепенное встраивание этой властной группы в структуры властвующих национальных элит отметил в своем докладе *Александр Павлович Кочетков* (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва). По его словам, представители российской «цифровой элиты» уже достаточно успешно ведут лоббистскую деятельность, достигая ряда преимуществ для своих компаний в конкуренции с иностранными цифровыми гигантами. Вместе с тем цифровые технологии расширяют возможности политического управления через более плотный контроль за информационными потоками. Однако, как заметила А.Е. Чирикова, на данный момент представители т.н. «цифровой элиты» не могут в полной мере конкурировать с другими представителями экономической элиты, возглавляющими список *Forbes*.

Если же говорить о том, какие группы могут выполнять диффузные роли морального контроля над элитными персонами в различных институциональных порядках, то одной из них вполне обоснованно являются интеллектуалы. Проанализировав развитие левой и левоцентричной интеллектуальной элиты во Франции, *Наталья Юрьевна Лапина* (ИНИОН РАН, г. Москва) обнаружила существенные изменения как в формах и каналах влияния интеллектуалов на политику и политические элиты, так и в самом характере интеллектуальной агентности. Так, произошедшие после 1970-х гг. идеологические изменения привели к ослаблению объединяющих для французских интеллектуалов метанарративов. Последующая дифференциация и идейная фрагментация интеллектуальной элиты привела к переходу от публич-

ной фигуры «интеллектуала-универсала», догматично транслирующего новые большие нарративы, к роли «интеллектуала-профессионала», сводимой чаще всего к функционалу эксперта. Изменились и ключевые медиа: исследования уходят на второй план по сравнению с публичным присутствием и регулярным комментированием событий. Несмотря на такую фрагментированность, представители французской интеллектуальной элиты, по словам докладчика, оказываются солидарными в диагностировании «*деклинизма*», т.е. кризисного состояния современной Франции, исходя из различных профессиональных перспектив.

В контексте диффузной инфильтрации моральными агентами-регуляторами властных акторов из других институциональных порядков одним из ключевых инструментов ее реализации является сакрализация. Этот процесс, как настаивал в своем выступлении *Константин Федорович Завершинский* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), позволяет связывать в культурной памяти прошлое, настоящее и будущее. Создаваемые в ходе сакрализации (как части политики памяти) наиболее действенные темпоральные режимы позволяют преодолеть разнородность «локальных и повседневных интерпретаций оснований национального единства». Конституируемый сакрализацией темпоральный режим в свою очередь является процессом традиционирования, обеспечивающим пролонгирование и культивирование трех главных своих составляющих: «повторяемости», «артикулированности» и «управляемости». Устойчивой константой повторяемости является сакрализация героической жертвенности (позитивного мимезиса), которая со временем уступает место практикам виктимизации (негативному мимезису), производящим другие нарративы насилия. Тем не менее сакрализация продолжает выполнять свою основную функцию, которая состоит, согласно Р. Жиру, в поддержании и переучреждении социального порядка через символизацию коллективного насилия.

Несколько иначе на политическую символизацию предложила посмотреть *Ольга Юрьевна Малинова* (ИНИОН РАН, г. Москва), изучавшая конструкт идентичности региона, отражающий видение региональных элит и отличающийся от категории региональной идентичности, под которой понимается принадлежность индивида или социальной группы к месту. Идентичность региона — прежде всего репрезентация территории и населения — является результатом вы-

бора, совершаемого производителями смыслов для воздействия на представления масс. В этом плане новой технологией политической коммуникации и инструментом символической политики выступают мультимедийные выставки. Они позволяют не только создавать и транслировать определенный контент (образы, нарративы и пр.), но и придавать его потреблению досуговый характер. Как отметила О.Ю. Малинова, подобный формат, включая выставки «Россия» на ВДНХ (2023–2024 гг.) и «Путешествие по России» в Экспоцентре (2025 г.), становится частью проводимой государством идеологической политики. Результаты сравнительного мультимодального анализа выставок, на которых были представлены экспозиции субъектов РФ, свидетельствуют об отличиях в подходах региональных элит / администраций к реализации символической политики, а также к продвижению федеральной повестки, заданных государством идей и ценностей.

Значимым инструментом в борьбе социальных групп за власть является контроль над политическим языком, посредством которого артикулируются политические идеи, включая представления о хорошем общественном устройстве, и выстраивается политическая аргументация. При этом сама власть выступает важнейшим политическим понятием, концептуализация которого влияет на политическое мышление и поведение людей в сфере политики. Как продемонстрировал в своем докладе Валерий Георгиевич Ледяев (НИУ ВШЭ, г. Москва), разработка собственного понятийного аппарата представляет особый интерес для общественных групп, апеллирующих к необходимости изменения социального порядка. Показателен пример феминистской концепции власти Э. Аллен, направленной на преодоление определенной формы социального / политического господства («мужского доминирования»). Эта концепция встраивается в общий тренд по расширительной или многомерной трактовке власти, но обладает одновременно диффузным и нормативным характером. В данном ракурсе В.Г. Ледяев подчеркнул, что позиционирование конкретной концепции власти и связанных с ней политических категорий в качестве наилучшей не способствует развитию академических дискуссий. Концептуальные дебаты, согласно позиции В.Г. Ледяева, должны учитывать существенную оспариваемость основных политических понятий. Сопряженность последних с ценностями не только препятствует формулированию нейтральных

дефиниций, но и стимулирует выработку и осмысление (аналитических) подходов к концептуализации политики.

Линия интерпретации, связанная с диффузными формами властвования и моральными элитами, была подвергнута резкой критике в докладе Александра Ивановича Соловьева (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва). Он предложил различать *власть* как реализованную способность к принуждению и *доминирование, влияние и всякого рода возможности*, которые являются лишь предтечами власти. В той же логике докладчик предложил не использовать категории морали в разговорах об элите, поскольку в корне властных отношений лежит насилие. Элиты в свою очередь как правящее меньшинство нацелены на полное отчуждение от рамок общественной морали. Такой радикально критический фокус приводит А.И. Соловьева к выводу о том, что за публичными практиками стоит совершенно другой пласт практик, которые для исследователя почти невозможно «рассекретить». Тем не менее докладчик предлагает аналитически различать рутинное администрирование, осуществляемое в логике формальной иерархии, и принятие значимых политических решений, которые подразумевают крупный переток ресурсов. Последняя деятельность осуществляется узким кругом лиц, принимающих решения, ядром элиты, способным пренебрегать институциональными ограничениями, создавая собственные институциональные барьеры для обособления от внешнего воздействия общественных и иных сил. Функционирование такого латентного пространства принятия политических решений, о котором А.И. Соловьев писал ранее [5, с. 25], становится возможным благодаря особому «конфиденциальному менеджменту», включающему внутреннюю самоорганизацию участниками сетевого сообщества «вета-пространств». Важным оказывается то, что высокопоставленные политические управленцы, по мысли докладчика, остаются в стороне от принятия решений, становясь своего рода «одноразовой элитой», которая назначается властвующим сообществом публично ответственной за те или иные провалы управления. В такой же логике мораль и идеологические дискурсы оказываются своего рода имитацией, не оказывающей влияния на ход принятия значимых политических решений. Реагируя на возражения А.В. Дуки о том, что ядро элиты также вырабатывает свою мораль, определенным образом согласующуюся с публичной, А.И. Со-

ловьев отрицает наличие признаков морали у таких корпоративных представлений, поскольку к морали можно отнести лишь те принципы, которые поддерживаются и имеют распространение в обществе.

Несколько в ином ключе интерпретирует целеполагание элит в своем докладе Владимир Александрович Гуторов (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), предлагая политико-теоретическое осмысление элиты в связи с концепцией стратегической культуры. Поскольку понятие стратегической культуры отражает фундаментальную потребность государства в безопасности, изначально оно рассматривалось в контексте национальных традиций. Проходившее в несколько этапов включение этого понятия в международную политическую теорию сопровождалось переходом от статичного к динамическому его пониманию. Особого внимания, по мысли В.А. Гуторова, заслуживают дебаты между К. Греем и А. Джонстоном об исходных принципах, на которых должна основываться непротиворечивая дефиниция стратегической культуры, зависящая от ответа на вопрос: отделима ли культура от поведения людей? Подобная реконцептуализация понятия учитывает философское наследие А. Грамши, акцентировавшего стратегическую роль культурных институтов в теории революционных изменений. Именно «грамшианская перспектива» позволила А. Коэну определить элиту как неявную социокультурную группу, представители которой занимают высшие позиции и координируют свои стратегии действий. Развитие данных методологических установок — от концепции «символической элиты» Т. ван Дейка до дискурсивного институционализма В. Шмидт — способствовало реинтерпретации стратегической культуры. Сейчас она описывается через эпистемические сообщества или субкультуры, которые базируются на мировоззрении элитных групп. Элита в свою очередь идентифицируется скорее через образ действия (*modus operandi*), чем через схожесть институциональных позиций. Как резюмировал В.А. Гуторов, эволюция теорий элит имеет нелинейный характер [1].

* * *

Представленные в данном обзоре исследования демонстрируют как диверсификацию элитных групп с диффузией отдельных функций, так и обособление властных сообществ в попытке сохранить собствен-

ную автономию и контроль над работой институциональных порядков. В этом отношении важными оказались дискуссии участников семинара, обнажившие различие теоретических позиций исследователей в оценке элитных трансформаций, мыслимых в отрыве от социетальных трансформаций или в связи с ними.

Прежние проблемы, связанные с растущей ролью центральной власти, подавляющей автономии (в том числе институциональные) локальных элит, увеличением доли администраторов в региональном депутатском корпусе, плутократизацией, ограничениями доступа интеллектуалов и гражданских объединений к принятию значимых политико-административных решений остаются актуальными. Однако итогом семинара этого года становится не только фиксация перечисленных характеристик властных групп, но теоретическое и эмпирическое изучение трансформаций, которые они вызывают.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриева Валерия Денисовна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Швая Андрей Юрьевич — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** andrewshvaya@gmail.com.

Research Article

VALERIJA D. DMITRIEVA¹,

ANDREY YU. SHVAYA¹

¹The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia

MULTIPLICATION OF ELITES IN THE CONTEXT OF COMPETITION OF INSTITUTIONAL ORDERS

Abstract. This article presents an analytical overview of the presentations and key discussions at the Twenty-fourth All-Russian Seminar “Sociological problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”. The materials are structured based on conceptual coherence rather than chronological sequence.

This approach allows us to reconstruct the authors' positions and identify the fundamental theoretical contradictions that defined the vector of the seminar's discussions. Drawing on K. Mannheim's theses on the multiplication and autonomization of elites in the context of social transformation, the authors identify several themes that outline the 2025 seminar's focus. First, there is the issue of elite autonomization, which is accompanied by the diversification of power groups. Second, the centralization of power and the subjectivity of local elites. Third, the generational dynamics of elites; and finally, the diffusion of moral order, which is contrasted with "confidential management".

Keywords: elites, power groups, institutional orders, multiplication of elites, diffusion.

For citation: Dmitrieva V.D., Shvaya A.Yu. Multiplication of elites in the context of competition of institutional orders. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 104–123. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.5> (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeriia D. Dmitrieva — Junior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Andrew Yu. Shvaya — Junior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** andrewshvaya@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Гуторов В.А. Стратегическая культура и элиты: политико-теоретические аспекты аналитики // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 7–30.
<https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.1>. EDN: PHQTOY
Gutorov V.A. Strategic culture and elites: political-theoretical aspects of analytics. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 7–30.
<https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.1>. (In Russ.)
2. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.
Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction. [Russ. ed.: Chelovek i obshchestvo v epokhu preobrazovaniya. Transl. from Germ. and Eng. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Yurist, 1994. P. 277–411.]

3. *Парк Р.* Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. С. 384–400.
Park R.E. Human ecology. [Russ. ed.: *Ekologiya cheloveka*. Park R.E. *Teoriya obshchestva*. [Theory of culture]. Moscow: KANON-press-Ts publ., 1999. P. 384–400.]
4. *Пустовойт Ю.А.* Четыре масти ассамблея власти: институты и политики в сибирском мегаполисе. Десять лет спустя // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 85–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. EDN: PZNLBI
Pustovoyt Yu.A. Four suits of the assembly of power: institutions and politicians in the Siberian metropolis. Ten years later. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 85–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. (In Russ.)
5. *Соловьев А.И.* Государство, элиты и инновации: противоречия поля политики // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира: материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15–16 февраля 2019 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 19–30.
Solovyev A.I. Gosudarstvo, elity i innovatsii: protivorechiya polya politiki [The state, elites and innovations: Contradictions in the field of politics]. *Rossiiskaya elitologiya: innovatsionnye otvety na vyzovy sovremennogo mira: materialy Tre'tego Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem 15–16 fevralya 2019 g., g. Rostov-na-Donu* [Russian elite studies: Innovative responses to the challenges of the modern world: Proceedings of the Third All-Russian Congress of Elitism with international participation on February 15–16, 2019, Rostov-on-Don]. Rostov on Don: YuRIU RANKhiGS. 2019. P. 19–30. (In Russ.)
6. Gerth H.H., Mills C.W. Character and social structure: The psychology of social institutions. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1953. 490 p.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 – 89244 от 17.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: А.В. Дука
Научные редакторы: А.С. Быстрова, Д.Б. Тев
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Журнал «Власть и элиты» включен в базу РИНЦ

Права на материалы, опубликованные журналом «Власть и элиты», принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются. Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.powerelites.ru>
- на сайте издателя: <https://socinst.ru/publications/powerelites/>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=59624

Издатель: Социологический институт РАН – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: <https://socinst.ru/>
Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 12. № 4. Дата выхода в свет 30.12.2025.